

Максим Салос

*Дом, в котором падает
счет*

Максим Салос

Дом, в котором падает снег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21182506

Аннотация

Каждое утро ты открываешь глаза. Строишь вокруг. Дышишь, живёшь. Вечером ложишься спать. И так изо дня в день. Ты не видишь и малой части того, что существует в окружающем пространстве. "Дом, в котором падает снег" – книга о том, что на самом деле представляет собой мир. Это истории, которые заставят увидеть по-новому всё то, к чему ты привык. Помогут разглядеть то, что ранее казалось невозможным.

Макс

Дом, в ко

Предисловие

Книга, которую ты держишь в руках – не выдуманные истории. Это реальность. Реальность, происходившая со мной. Я прожил от начала и до конца каждое слово, которое ты прочтёшь. Всё это случилось в прошлом и случится в будущем. Эта книга – девять моих жизней. И я хочу рассказать о них. Рассказать потому, что есть вещи, о которых невозможно молчать. Когда мы встретимся на последней странице, вспомни о том, что только ты решаешь, где правда, а где вымысел. Только ты можешь устанавливать границы. И если захочешь, то границ не будет вовсе. Только ты решаешь, чему быть. Приятного чтения!

P.S. Эту книгу я посвящаю моим ангелам – Жанне и крошке Лии. Рядом с вами я, наконец, стал тем, кем должен быть.

Лейла

I

Помнишь, недавно утром, совсем рано, ты услышала шум за окном? Ты испугалась, выбежала на балкон посмотреть, что случилось, и увидела мужчину, лежащего на крыше твоей машины. Обычно ты ставишь автомобиль у подъезда, но вчера вернулась поздно и припарковала его у дома напротив, под окнами больницы. Конечно, ты помнишь, ведь машина

была раскурочена так, словно мужчина падал на неё с десятого этажа. Но это не совсем верно; он падал с тринадцатого. И это был я.

Хочу извиниться перед тобой за то, что пришлось познакомиться таким вот странным образом. Мне правда жаль твою машину, она была красивой. И спасибо, что пришла на мои похороны. Без тебя мне было бы там совсем одиноко. Можно, я буду считать тебя своей подругой, ладно?

Давай ненадолго вернёмся в то утро, а потом я расскажу тебе, как всё было на самом деле. Потому что ты наверняка читала статьи в газетах, тогда все писали обо мне. Но там нет правды. Бывает так, что нужно стереть границы привычного, выйти за грань логики и просто принять то, что казалось раньше невозможным.

Знаешь, я смотрел много фильмов и думал, что полёт с высоты – это просто. Сделал шаг и через мгновение оказался внизу. В кино обычно именно так. Тем ранним утром я прыгал не лицом вперёд, а наоборот. Хотел приземлиться на спину, чтобы люди увидели улыбку, которая была на моих губах. Да, я сделал это с улыбкой. Но высота была очень большая, в полёте меня несколько раз перевернуло. В итоге я рухнул на твою машину лицом вниз. Жаль, что никто не увидел моей последней улыбки. Но ты теперь знаешь об этом, и это хорошо.

И, несмотря на всё случившееся, я рад, что познакомился с тобой и могу рассказать свою историю. Но сразу предупре-

ждаю – она может показаться тебе грустной, возможно в самом конце ты даже будешь плакать. Главное, помни – в мире бывают нелёгкие пути; но то, что кажется концом, порой лишь начало.

Моя история началась поздно ночью. Знаешь, ведь ночь – лучшее время для того, чтобы подумать или помечтать. Мир вокруг замирает и, только прислушавшись, можно уловить его спокойное, ровное дыхание. Я любил ночью выходить на балкон, наслаждался тишиной, курил и смотрел, как струйки дыма растекаются в ночном воздухе. И слушал. Я же ещё не рассказал тебе, что с детства слышу *нечто*. В основном это были неясные, бесформенные звуки, иногда музыка, редко слова. Доктора объясняли это аномалией строения ушей, в результате которого звуковое восприятие мира искажается. Я свыкся с этой мыслью и давно перестал считать звуки в моей голове чем-то необычным. Но той ночью всё изменилось: я услышал стихи. Чётко и ясно, как никогда прежде. Они были прекрасны, и я их записал. Записал, не понимая ни слова. Следующей ночью это повторилось, а потом опять. Через несколько месяцев у меня была толстая тетрадь стихов. Я не очень понимал, что с ними делать. Стихи мне нравились, но принять их как свои так и не смог. Поэтому придумал псевдоним и опубликовал под вымышленным именем. А потом появилась она.

Лейла. Моя милая Лейла. Красавица с карими глазами.

Она полюбила мои стихи, а вместе с ними и меня. Да, на-

верное, в такой последовательности. Знаешь, я ведь не верю в любовь с первого взгляда. Любовь требует времени, требует внимания к себе, требует перемен, а это не просто. Это длинный путь, которому нужны жертвы. И жертвой будешь ты сам, ведь нужно перевернуть свой мир с ног на голову. Но любовь долго ждёт, всё терпит. И готова принять тебя таким, каков ты сейчас, но только если будешь готов ради неё стать другим.

Я встретил Лейлу и всё перевернулось. Или она встретила меня, наверное, это не так важно. Мне приходили письма, много писем – люди писали мне в ответ на мои стихи. И среди этих писем я почему-то выделил одно; ты, конечно, понимаешь, от кого оно было. Лейла рассказала о себе, написала, как ей не хватает меня. Представляешь – секунду назад я даже не знал о ней, и вдруг оказалось, что есть на свете человек, которому меня не хватает. Прочтя письмо, я вдруг понял, что ещё никто в моей жизни не говорил мне столько добрых и нужных слов. Просто так, всего за несколько минут. Конечно, мы захотели встретиться.

На первое свидание я опоздал. Примчался и увидел её, она была так красива. Я просто подошёл, Лейла посмотрела на меня и крепко обняла; так, словно мы встретились после долгой разлуки. И в тот момент я уже знал, как сильно её люблю. Именно так, очень просто.

Спросишь, что было дальше? Мы говорили, очень много говорили. Лейла рассказала, как мои стихи вдохнули в неё

жизнь, которую, как ей казалось, она уже потеряла. Лейла ведь была замужем в тот момент, не по любви, а знаешь... как все. Ведь так бывает – трудное детство и юность, одиночество, жажда жизни. Она вышла за хорошего человека, надеясь обрести счастье. Но любовь не пришла в их дом. Лейла вспоминала, как несколько месяцев назад, ночью, она стояла в душе, плакала и умоляла всех богов, которых смогла вспомнить, изменить её жизнь. Ты ведь уже догадалась, что это была за ночь? Правильно, та самая, когда я записал стихи в первый раз.

Лейла знала, мы говорили об этом, что я никакой не поэт. Позже стало известно, как всё это было на самом деле. Лейла оказалось ведьмой. Не такой, как баба Яга, конечно, совсем другой. Просто она любила это слово, поэтому я буду называть её так. Ты ведь знаешь, в мире есть люди с экстраординарными способностями, совершенно разными. Лейла умела управлять событиями, она была сверхчувствительна. Читала, к счастью, не всегда, мои мысли, понимала энергетику других людей, часто совсем незнакомых; обладала очень развитой интуицией. Она рассказала, что в критические моменты человек выбрасывает колоссальное количество энергии, просто огромное. И если этот поток направить в нужное русло, могут происходить нереальные, волшебные вещи. Именно её энергия пришла ко мне в ту ночь, чтобы я написал стихи, которые приведут её ко мне. Лейла показала мне, что мир может быть намного больше того, к которому мы

привыкли.

Ты ведь наверняка знаешь, что темноты не стоит бояться. Тебе страшно лишь потому, что в ней таится неизвестное. Но это пугает лишь тех, кто не готов. Лейла открыла мне глаза, показала мир, о котором мне не приходилось и мечтать до встречи с ней. Чем отплатил ей я? Я любил её; и сейчас люблю. И это как раз то, что было нужно нам обоим.

Мы с Лейлой были где-то за гранью любви. Так сложно описать словами то, на что не хватает даже чувств. Она касалась меня, и каждая клеточка тела взрывалась. Полыхала энергией; как будто в маленький тлеющий костёр плеснули бензина. Я так люблю её прикосновения, запах волос, касания губ. То, что происходило между нами – это не вожделение, не похоть, даже не страсть. Мы с Лейлой были вместе, и мир останавливался, исчезал, мира не существовало. Оставались только мы одни. Это был конец света, армагеддон, после которого всё начиналось вновь. Это был катарсис, обряд очищения; Вселенная рождалась заново, и в центре её находились мы, с каждым разом становившиеся сильнее. И ближе друг к другу. Когда я был с Лейлой, то был везде – в каждом уголке Вселенной сразу. Нам перестало хватать только наших земных тел, они не могли удержать всю ту колоссальную любовь, которую мы пробудили друг в друге.

Ты ведь наверняка слышала, как говорят – любовь живёт три года, чувства притупляются со временем и что-то ещё. Весь этот бред придумали люди, придумали для оправдания

своей слабости, своей лени и нежелания становиться лучше. Любовь не умирает, не знает времени, не умеет предавать. Вот только найти её может лишь тот, кто примет сердцем чудо любви, откажется от себя прежнего и будет готов познать совершенство. Это бесконечная дорога, но вступивший на неё будет идти с улыбкой, потому что не нужно спешить или волноваться, ведь этот путь не может закончиться. И нам с Лейлой так хотелось идти дальше.

Тебя, наверное, спрашивали и не раз – а тебе сняться сны? На самом деле вопрос этот неправильный. Сны снятся всем и всегда, просто кто-то помнит их, а кто-то нет. Почему так? Я расскажу. У нашего тела есть множество состояний – бодрствование, сон, усталость, боль, но душа не спит ни минуты. Когда ты лежишь в кровати, когда тело спит, сознание может отправиться куда угодно – в любой уголок Вселенной, в любое время. И этому нужно всего лишь научиться. Всего лишь.

Лейла, моя милая Лейла, она научила открывать глаза тогда, когда веки закрыты; показала, как смотреть сквозь стены и горы. Знаешь, что такое медитация? Это очень близко к тому, о чём говорю я. Вдох-выдох, вдох-выдох, расслабление. Дышать надо очень плавно и глубоко, так, чтобы голова слегка закружилась. Считай вдохи, от одного до ста, а потом обратно. Считай, чтобы мысли не терзали твоё сознание, а сама улетай в мир, который откроет темнота закрытых глаз. В первый раз ты едва узнаешь его, даже подумаешь, что

это обман. Но потом... Открывай его по крупицам, гляди на него, вдыхай этот мир полной грудью, желай стать его частью и он оплатит тебе. Оплатит светом, теплом, яркими красками и свободой. Бесконечной, как Вселенная, свободой.

Лейла показала мне этот чудесный мир. Это было долго и трудно, но мы справились. Не одна мелодия на этом свете не сравнится с тем, как пели наши души *там*. Когда нам хотелось, мы были *там* одни. Или приглашали в гости другие души. Мы строили города, проживали эпохи, переплывали моря. Мы были так счастливы, бесконечно. Знаешь, время *там* идёт совсем не так, как здесь. У него нет направления и скорости; оно может двигаться назад, может замирать, так, как ты сама захочешь. Среди бесконечности времён и пространств мы построили свой дом. Только для нас. Там всё было так, как хотелось нам – камин, лестница на второй этаж, большие, от пола до потолка окна; и терраса, на которой мы смотрели на звёзды. Но иногда нужно было возвращаться...

Я не знаю, кто придумал всё это, но и *там* есть свои правила. Нельзя просто так взять и уйти *туда*. И мы возвращались. Открывали глаза и оказывались здесь. Для того, чтобы ходить на работу, есть, навещать родителей, гулять в парке, держась за руки. Лейла говорила, что это обязательное условие. Мы, как энергия Вселенной, существовали всегда. В какой-то миг маленький кусочек Вселенной становится телом и душой. Здесь, в этом мире. И чтобы отправиться дальше,

нужно преодолеть это испытание. Но только ты решаешь, будет ли оно счастьем.

Ты ведь наверняка слышала – нашу землю часто называют адом или чистилищем, даже космической помойкой. Закрытым пространством, где собраны и гниют все отбросы Вселенной. А я скажу тебе – только ты сама решаешь, быть ли тебе отбросом. И если не захочешь, то борись за своё счастье, просто стань счастливой здесь и сейчас, не завтра, не на следующей неделе, а именно сейчас. Вселенная станет частью тебя только в тот миг, когда ты этого захочешь и примешь её с улыбкой. Этот путь нужно пройти. И я прошу тебя – пройди его счастливой, с открытым сердцем. Как делали это мы.

Знаешь, мне ведь непросто даётся этот рассказ. Так много мыслей и слов, что я подолгу думаю, какой будет следующая фраза. И мне так жаль, что у этой истории такой финал. Хотя, стоп. Конец мы ещё не написали и сами решим, каким будет этот рассказ.

II

Помнишь, я рассказывал про стихи, которые Лейла невольно подарила мне? Она очень их любила, но писать дальше мне не удавалось. Это был настолько невероятный и спонтанный выброс энергии, что я не сумел повторить его снова. Порой мне даже казалось удивительным то, что стихи родились именно под моим пером. А я... я всегда хотел быть писателем, но, смешно даже, не знал, о чём писать. Ми-

мо проплывали обрывки фраз, образы, мысли, но мне никак не удавалось соединить их воедино. Но это до сих пор моя мечта – написать роман или хотя бы маленькую повесть. И подарить её Лейле. Моей милой Лейле.

Прости, я немного отвлёкся. Давай, расскажу тебе, что было дальше. Мы с Лейлой почти не расставались, только днём; расходились по делам, желая скорее встретиться снова и отправиться в путешествие *туда*. Мы перестали общаться с людьми, порвали почти все связи. Они были нам не нужны. Знаешь, это ведь страшная мука – видеть тех, кого не желаешь видеть; говорить о глупых и неинтересных вещах, сплетничать, притворяться. Мы хотели быть теми, кто мы есть, а если мир это не устраивает... Ну что ж, мы будем счастливы и без него. Лейла не забрала меня у мира, она подарила мне всё лучшее, что в нём есть. А потом...

Потом её машина попала в аварию. Она спешила ко мне, шёл сильный дождь. Лейла не справилась с управлением и врезалась в дерево. Я, конечно, почувствовал это и примчался в больницу даже раньше, чем туда приехала машина скорой помощи. И увидел её – мою милую Лейлу... Она была в коме.

Мне никогда не хотелось бы, я бы не пожелал увидеть такое никому – когда любимый, родной, самый дорогой во Вселенной человек лежит перед тобой израненный, в пятнах засохшей крови; с кислородной маской на лице. Так, словно тело, которое ты видишь – это просто тело, которое когда-то

было человеком. Твоим самым любимым человеком.

Пообещай мне, что будешь беречь себя, ладно? Я так не хочу, чтобы подобное случилось с тобой. Знаешь, среди того ужаса, что обрушился на меня, особенно страшным был... запах йода. Обоняние – один из главных, если не самый главный способ восприятия мира. Человек, теряя свой запах, теряет огромную часть себя. И вместо любимого запаха волос Лейлы, я чувствовал йод. Мне хотелось выть от отчаяния.

Теперь я жил в больнице, рядом с ней. Мне предлагали, потом требовали, позже упрашивали уходить хотя бы на время, но оставить Лейлу одну даже на час было выше моих сил. С утра до вечера я находился рядом, держал её руку, нащупывая чуть заметный пульс; гладил и расчёсывал её волосы, красил её ногти в красный цвет. Она так это любила... Моя милая Лейла. А ночью я искал её *там* – садился в кресло, закрывал глаза; вдох, потом выдох и перед глазами возникал мир. Наш мир, в котором я теперь оказался один.

Лейла исчезла, её просто не стало. Я искал в каждом уголке мира, во все времена. Кричал, вопил, но не слышал ответа... Потом просыпался, держал её руку, гладил волосы... А ночью искал вновь – заходил в каждый дом, погружался во все моря, но это было бесполезно. Я снова просыпался, потому наступала ночь. И так много-много месяцев подряд. Каждый день я готов был отчаяться, но не мог сдаться. Не давал себе такого права, заставляя искать её снова и снова.

И вот однажды, во время путешествия *там*, я оказался у

горы Кайлас в Тибете. Слышала про такую? Её называют гора-свастика. На самом деле это определение неверно – это не гора, а пирамида. Я оказался там за восемь тысяч лет до нашей эры, когда тибетцы строили это легендарное сооружение. Место было создано древними как портал между мирами. Нас с Лейлой всегда тянуло туда, и я решил на время остаться там. Мы строили пирамиду, укладывали камень за камнем, дышали горным воздухом...

Знаешь, воздух тогда, за тысячи лет до нашего времени, был совсем другим. Чистый, пьянящий, он наполнял тело первозданной силой. Когда я возвращался в палату к Лейле, то не мог дышать. Физически, буквально задыхался. Но находил в себе силы терпеть. Ради неё. А затем возвращался *туда*, к подножью Кайласа. Когда пирамида была построена, мы наносили на её стены письма; опыт древних, заключённый в слова.

Я вырезал в камне сотни, тысячи слов и лиц. И вот, среди них, наконец, отыскал то, что было так нужно. В изображении Падмасамбхавы я увидел её. Она была рядом с ним, тогда она носила имя Кхатванга. Лицо было другим, но её глаза... Это были глаза Лейлы. Моей милой Лейлы. Такие родные, тёплые, пронизывающие, любимые глаза. Я узнаю их везде. Не спутаю с другими никогда. А рядом были слова; слова, написанные моей рукой: «Ты можешь идти вперёд. Ты должен идти. И настанет миг, когда ты дойдешь до предела. Твоё «я» – и есть последняя точка пути. Оглянись во-

круг и пойми, что расставание неизбежно. Но ты, рождённый вновь, будешь ещё мудрее, ещё лучше. Границ и пределов не существует, есть лишь то, что делает тебя сильнее».

Я стоял рядом с Кхатвангой. Она смотрела на меня глазами Лейлы. Всё вокруг исчезло, не было не людей, не земли под ногами. Только мы и Кайлас. Пирамида сияла разрезами свастики; и тогда я вернулся. Вернулся в палату, где лежало тело Лейлы. Что было дальше? Я выдернул провода аппарата жизнеобеспечения, снял с любимого лица кислородную маску. Через минуту сердце Лейлы перестало биться. А потом я открыл окно, забрался на подоконник, улыбнулся и сделал шаг вперёд.

III

А потом ты выбежала на шум и нашла меня на крыше своей машины. Я рад, что познакомился с тобой. Можно кое о чём тебя попросить? Это не сложно. Я прошу – стань счастливой, найди в мире человека, который создан Вселенной для тебя. Вы будете любить друг друга и у вас родиться мальчик. Расскажи своему малышу эту историю, расскажи, что где-то на свете его ждёт девочка с карими глазами, с которой ему предстоит пройти долгий путь. Сможешь? Ты ведь моя подруга, правда?

Беролак

Мой письменный стол – напротив окна. Я люблю писать вечером, часто засиживаюсь допоздна. Дома все спят, и мне

нравится, что тишину нарушает только ровный ход моих часов. Когда я размышляю, каким будет следующее предложение, моя щека лежит на кулаке левой руки и хорошо слышно, как стрелки неумолимо бегут вперёд.

Разве есть в этом мире что-то прекраснее тишины вечернего дома? Конечно, есть. Для того ли мы живём на свете, чтобы любить тишину? Есть ли хоть кто-нибудь, готовый отдать свою тишину ради голосов? Безусловно, да. Я готов. Я бы многое отдал за то, чтобы услышать голос моего папы.

Сегодняшний день – особенный в нашей семье. Сегодня папин день рождения. Ему должно было исполниться сорок лет. А может, исполнилось... Я не знаю. Прошло три года с тех пор, как папа без вести пропал.

Ощущение законченности пути пугает. В нём много прошлого, но совсем нет будущего. Иногда мне хочется быть стариком – умудрённым жизнью, знающим ответы на вопросы. Но мне всего шестнадцать, и я знаю, что завтра мне предстоит читать это сочинение перед классом. Мне кажется, публичное чтение – дурная затея. Читать при свете дня то, что написано ночью – ужасно. Тем более одноклассникам, у которых все мысли только о... Не буду уточнять, вы и сами прекрасно знаете. Зато мама будет рада, что я получу пятёрку. Сочинения – мой конёк, мне нравится писать. Тем более, все говорят, что получается неплохо. Хотя бывает сложно найти хорошего слушателя. Автор и читатель – это вообще тема для отдельной беседы. Знаете, бывают такие про-

изведения, где не читатель оценивает автора, а наоборот. Я бы назвал это своеобразным экзаменом человеческой души. Сможешь ли ты понять идею, достоин ли того, чтобы получить это знание. И вот когда читаю свои мысли перед всем классом, то знаю – это не они оценивают меня, а я наблюдаю за ними.

Мне часто говорят, особенно мама, да я и сам это знаю – что мыслю не как шестнадцатилетний подросток. В конце концов, возраст – всего лишь условность. Мои друзья и приятели думают о том, как бы сходить на свидание или поймать покемона; или где купить пиво. А я думаю о том, что дольше остальных живёт боль. Липкая, вязкая как клей, равнодушная, пульсирующая боль. Когда вечер начинается рано утром; и мучительно тянется до той минуты, когда ты падаешь на кровать, чтобы уснуть.

Знаю, что сейчас буду читать эти строки в тишине под взглядами ваших удивлённых глаз. Наверное, буду читать очень тихо. Но всё, что было сказано, будет услышано. Криком ли, а может шёпотом, но слова найдут своего слушателя.

Три года назад исчез мой папа. Он просто ушёл и не вернулся. Папа уходил и раньше, но мы всегда знали, что он придёт. Мама говорила, что папа уезжал в командировки, но я не верю в это. Бывало два, три дня, даже неделю от него не было вестей. И я видел, как мама волновалась, порой не находя себе места. Пусть мне не так много лет, но даже мне

известно, что не уезжают в командировки. Папа не звонил, не писал, не привозил подарки; он просто неожиданно появлялся, очень уставший. Порой я видел синяки и ссадины на его теле, которые он пытался от нас скрыть. Куда уходил папа? Не знаю точно, но после сегодняшнего дня уверен, что больше никогда не смогу его увидеть... Я не скажу об этом маме, может она и сама об этом знает; и уж точно не скажу об этом сестрёнке.

Мою сестру зовут Майя. Ей всего четыре, но с ней уже можно поговорить. Майя еще многого не знает о мире, о нашей семье. Но я постараюсь всё рассказать ей так, чтобы малышке не было больно. Конечно, не сейчас, потом. Майя хоть и маленькая, но тоже, как и я, скучает по папе. И раз сочинение нужно написать на тему: «Мой лучший друг», я решил рассказать о папе, потому что он был для нас самым лучшим другом.

Знаете, бывает, что дети ревнуют, когда у кого-то из членов семьи день рождения. Когда подарки и поздравления предназначаются не тебе, а кому-то другому. Для детей это нормально, они ведь ещё маленькие. Но в нашей семье день рождения папы или мамы – праздник для всех. В эти дни мы всегда вместе. Устраиваем пикники, катаемся на карусели или на велосипедах, покупаем сладости, ходим в кино. Мама говорит, что день рождения – общий праздник, потому что мы – одна семья. И должны делить всё поровну. И сегодня, в день папиного рождения, мы пошли в зоопарк. Но уже без

него. Мама сказала, что папа был бы недоволен, если бы этот день мы просто просидели дома. Тем более, Майя очень любит животных и хочет увидеть их живьём.

Папа никогда не рассказывал нам, почему пропал по нескольку дней подряд. Вернее, придерживался маминой версии – что уезжает по работе. Малышка Майя верит, а я точно знаю, что это неправда. Мне обидно, что родители темнят, я ведь не маленький, многое способен понять. А сегодня, кажется, всё понял. И вот теперь не знаю, что с этим делать. Быть может, если я напишу всё на бумаге, станет легче? Как знать...

Мама рассказывала, что когда я был совсем маленьким, то не мог уснуть без её волос. Она ложилась рядом, а мне только нужно было схватить своей ладошкой мамину прядь, как я моментально засыпал. А потом подрос, и укладывать меня стал папа. Он рассказывал мне сказки. Что-то читал, что-то выдумывал сам, смешил, а сам говорил: «Т-с-с, а то мама услышит. Мы с тобой уже спать должны». Я слушал папин рассказ и глядел в его глаза – большие голубые, очень глубокие глаза. Смотрел и словно погружался в другой мир, а через минуту уже крепко спал. Сейчас папина фотография стоит на моём столе, я часто и подолгу смотрю на неё, спрашивая только об одном: «Ну, где же ты, папа?». А вечером умываюсь и снова вижу те же глаза – на своём лице. Я никогда не смогу забыть папу, ведь смотрю на мир такими же

глазами, как он. Его глазами. Я не хочу забывать тебя, папа.

Нашей любимой сказкой была история о Беролаке, человеке, который умел превращаться в медведя. Каждое полнолуние он уходил в лес, при тусклом ночном свете становился собой настоящим. Ведь на самом деле Беролак был медведем, которого колдунья превратила в человека. Но это было так давно, что порой он сам не понимал – кто же он – медведь или человек. Сказка жутковатая, мне было немного страшно, но это был страх, который хочется испытать, чтобы пощекотать свои нервы. Как прыжок с тарзанки. Тем более, папа был рядом. А сейчас я рассказываю эту сказку Майе, она не боится, а говорит, что ей жалко мишку. Правда, дойти до конца мне ни разу не удавалось, сестрёнка быстро засыпает.

Майя любит животных и сегодня, в день папиного рождения, мы пошли в зоопарк. Недавно в новостях сказали, что пару месяцев назад, ночью в город забрёл бурый медведь. Он ходил прямо по улицам, хорошо, что все в это время спят. А ближе к утру люди заметили его, позвонили в полицию; или куда звонят в таких случаях? На рассвете медведя поймали. Он был ранен, его отправили на лечение в зоопарк, да и оставили там жить. Медведь был огромным и сильным, ему дали имя Бьорн. И сегодня мы пошли на него посмотреть.

Для Бьорна построили отдельный вольер, в самом конце зоопарка. По пути мы видели обезьян, кроликов, козу, зашли посмотреть на рептилий. Майе очень понравились дикие кошки. Там вообще очень много животных, можно дол-

го про них писать. А когда мы дошли до Бьорна, случилось нечто странное. То, чего я не могу понять. Вернее могу, но очень боюсь.

Мы подошли к клетке, я шёл впереди, а сзади была мама, она держала Майю за ручку. Там увидели медведя, а он увидел нас. Бьорн был огромен, он встал на задние лапы и пошёл прямо на нас. Но меня испугало не это. У медведя были большие, глубокие, красивые голубые глаза. Точно, как у меня. Но ведь так не бывает. У медведя не может быть таких глаз, но у него были. На секунду мы застыли на месте – медведь, мама и я смотрели друг на друга. А Майя подошла совсем близко и сказала: «Какой бошой Мишка!». Дальше как во сне – медведь зарычал, бросился на прутьях клетки, разделяющие нас, царапал железо когтями. Мама закричала, оттащила Майю назад. А я так и стоял, как вкопанный. Вокруг бегали и кричали люди. Бьорн могучими лапами сгибал прутья, еще чуть-чуть и он выбрался бы наружу. А потом раздался выстрел, медведь рухнул; я подбежал к нему и увидел, как жизнь покидает его огромное тело. Он тихо рычал, а через мгновенье закрыл глаза насовсем.

Вечером мы прочитали в новостях, что медведь в зоопарке взбесился, напал на посетителей, и его пришлось убить. В целях безопасности. Я слышал, как в ванной весь вечер проплакала мама. Она включила воду, чтобы мы не слышали, но мне и так всё понятно. Малышка Майя, не знаю как, успела

подобрать у клетки коготь. Ведь день ходила с ним и даже легла спать, держа его в руках. Майя говорит: «Мне Мишка подарил!». Мама услышала это, попросила меня уложить сестру, а сама сидит в ванной. Я не виню её, мне тоже сейчас хочется побыть одному.

Иногда случается то, чего, кажется, не должно быть. Ты вдруг понимаешь то, что не понимал раньше, и это открытие выбивает из колеи. Ведь такого не бывает. Ну, не может такого быть! И кроме осознания этого, нужно ещё понять – как жить дальше? Как заснуть сегодня и проснуться завтра?

Наверное, в этот раз я не получу пятёрку. Не хочу читать это сочинение при всём классе. Скажу, что забыл написать. Или заболел. Пусть даже двойку поставят. Мама поймёт.

А вообще, знаете что? Я не хочу знать «почему»? Не хочу знать «за что»? Не хочу знать, почему всё происходит так. Потому что в этих вопросах есть обида, в них обречённость. А во мне их нет. Во мне есть вера и надежда.

Сегодня Майе не спалось, она держала коготь Бьорна, а я впервые смог до конца прочитать ей сказку о Беролаке: «... никто в мире не знает, кто такой Беролак – медведь или человек. Он и сам не знает. Но местные верят, что если Беролак погибнет в одной из своих сущностей, то сможет навсегда остаться в другой».

А потом, уже глубокой ночью, мы уснули с Майей вместе, я услышал стук в дверь. И, вслед за ним, громкий-громкий

мамин крик...

Подорожник

Длинный коридор. Полутьма. Пляшущие огоньки свечей. Порывы ветра. Оглушающие вопли. Тихий голос. Исцарапанный ногтями земляной пол. Железная дверь. Это всё внутри. А снаружи...

Мне как-то говорили, что лучший способ спрятаться – быть в толпе. Затеряться. Стать таким, как все, не отличаться. Но для меня это сложно.

Знаешь, в моём городе почти всегда тепло. Это шумный, по-своему уютный, почти средиземноморский курорт. В любое время года здесь можно носить лёгкую, открытую одежду. А летом, кажется, весь город переезжает на пляж. Весь, кроме меня. Я не ношу открытую одежду и не загораю на пляже. Хотя мог бы попробовать, ведь лучший способ быть незаметным – это быть в толпе.

Не знаю наверняка, но почти уверен – приди я на пляж искупаться, ментально притянул бы к себе взгляды окружающих. Нет, я не футболист, не звезда, просто всё моё тело, кроме лица и ладоней, покрыто шрамами. Мне двадцать три года. И я... давайте, назовём меня священником.

Я ношу чёрную рясу, она закрывает почти всё тело, это удобно. В городе меня зовут отец Максим; правда, церковным саном я не обладаю. Но каждый день прихожу в мона-

стырь, чтобы работать. Да, я считаю это работой, так мне проще осознавать то, что происходит со мной. Я изгоняю демонов.

Знаю, в городе обо мне ходят разные слухи. Я не собираю их, стараюсь оградиться, но порой от них никуда не деться. Многие, очень многие считают меня лжецом, а те кто видел то, что я делаю... Это всё неважно. Важно то, что я умею и могу. Среди всего этого нет ответа только на один вопрос – почему я?

Я молод, но, подражая священникам, ношу бороду, это старит меня. Волосы на лице и на голове почти наполовину седые. Это старит вдвойне. Меня никогда не любила женщина, по-настоящему, как это бывает у людей. Я не ходил на вечеринки, не напивался на выпускной; даже толком не учился в школе.

Знаешь, что такое радость обречённого? Я тебе расскажу. Ты слышал имя Чадомир Чупич? Нет? Его фотография одна из самых известных в мире – на ней ты увидишь молодого улыбающегося мужчину. Он одет в пальто и фуражку, а руки сложены так, будто он готовится к рукопожатию. А на самом деле фотография сделана за несколько минут до его расстрела. После жестоких пыток, отказавшись перейти на сторону врага, он улыбается, считая последние мгновения своей жизни. Чадомир Чупич принял свою участь, смирился с неизбежным, не изменил себе. И гордо принял смерть, глядя в глаза палачам. Мужественный человек. Не то, что я.

Хотя, если бы мне тоже дали право идти на смерть... Ладно, это неважно... У меня совсем иная судьба.

Хочешь узнать, как выглядит мой дом? Представь – ты хочешь купить квартиру в новом доме, приходишь туда – и видишь пустые комнаты, где каждый изданный тобой звук эхом отражается по всем углам. А теперь брось на пол матрац, зашторь поплотнее окна и расставь вдоль стен ряды пустых бутылок. Вот ты и знаешь, как я живу. Да, я пью. От ужаса. Потому что не могу спать по ночам. Потому что глаза привыкли к темноте, потому что хочется закрыться, забыться, залезть под одеяло, накрыться с головой. И забыть. Всё забыть. Но я помню.

А ты? Ты помнишь, когда тебе было одиннадцать лет? О чём ты мечтал? С кем говорил? На какие темы? Помнишь? И я помню. Помню маленького худенького мальчика с большими голубыми глазами, широко раскрытыми от страха. Он весь дрожал, пытаясь остановить кровь. Она красным ручейком текла по его тоненькой руке, а он своей маленькой ладошкой пытался закрыть рану. Помню, как этот мальчик сидел на стуле, а вокруг стояли мужчины. Они с удивлением и страхом смотрели на малыша, задавали вопросы, шептались, крестились. И так снова и снова... Я помню и знаю всё, что пришлось пережить этому мальчику. И вот теперь он – это я. Он не хотел становиться мной, мечтал совсем о другом.

Знаешь, как всё началось? Мне было девять. В тот день я гулял с друзьями и задержался допоздна. В южных горо-

дах темнеет очень быстро. Я торопился домой, бежал по узким, уже совсем тёмным улочкам, когда услышал крик. Где-то совсем рядом. Крик ужаса, истощный, протяжный крик. Я испугался, мне хотелось бежать прочь, но что-то заставило остановиться. Сам не знаю почему, ведь мне было так страшно. Я побежал на крик, завернул за угол и упал. Знаешь, иногда бывает так страшно, что ужас парализует – и ты не можешь ни кричать, ни двигаться, ни даже дышать. Я увидел мужчину, прижавшегося к стене. Его лицо было даже не бледным, оно было какого-то землянисто-серого цвета. Он стоял на коленях и пытался кричать. А рядом было *оно* – жуткое существо, *оно* было похоже на человека, наверное, когда-то было им. Существо оглянулось и смотрело на меня. Дикая красная глаза.... Взгляд я даже не могу описать, он не просто проникал внутрь, казалось, он трогал меня изнутри, держал мои лёгкие, не давая дышать. Существо издавало звуки. Никогда в жизни я не слышал таких – не голос, не крик, а какой-то шёпот, но на очень-очень низкой частоте. Эти звуки парализовали, сковали ужасом. Я упал на землю, а *оно* двигалось на меня. Плавно, словно не касаясь земли. А я смотрел на него и не мог даже закричать... или заплакать...

Ты, наверное, удивишься, но я не верю в бога. Или не верю богу. Те, с кем мне приходится иметь дело почти ежедневно – священники, прихожане, даже собаки на церковном кладбище – осуждают меня за это. И уже давно перестали говорить со мной на эту тему. Все, кроме собак. Они по-прежнему

му лают. Может, хотят сказать что-то, что знают только они. Но я не понимаю их языка. И всё меньше понимаю язык человеческий. Знаю буквы, слова, знаю их значение, но не понимаю смысл. Тысячи, миллионы бессмысленных звуков и слов. Я уже почти не слушаю, не спрашиваю, не говорю. И со мной не говорят. А зачем? Если ты порезался, то просто прикладываешь к ране подорожник, ждёшь несколько минут, а потом идёшь дальше, выбросив ненужный, использованный лист. Может быть бог, если он есть, если он когда-нибудь был, и придумал меня таким вот подорожником. Чтобы закрывать раны...

Тебе ещё интересно, как я остался в живых? Тогда, маленький, в переулке? Я и сам не очень понимаю. Когда существо приближалось ко мне – я стал просить, стал звать на помощь, но не громко и не прохожих – а шёпотом, потому что не мог кричать, читал молитву. Не зная слов, не понимая, к кому обращаюсь. Просто молился.

А существо замирало. Замирало, падало, затем поднималось. В его глазницах бешено сверкали зрачки; оно подлетало вверх на несколько метров, его бросало из стороны в сторону. Существо кричало, вопило так, что из моих ушей текла кровь. Оно выгибалось в неестественных позах, я слышал, как ломаются кости; этот жуткий, страшный звук.

Существо, всё изломанное и израненное, из последних сил, царапая землю ногтями, ползло ко мне. Смотрело в мои глаза. А я молился, просто хотел, чтобы всё это закончилось.

И вот оно почти касалось меня, когда я увидел, как глаза вспыхнули в последний раз; зрачки существа закатились, тело обмякло на земле. Теряя сознание, я чувствовал, как по руке, чуть ниже локтя, из разреза, течёт кровь. Я схватился за рану и отключился...

Ты приходишь в церковь молиться богу, который есть любовь. Так ты говоришь. А скажи, бог любит тебя? Ты достоин? Ты стал тем, кого можно любить? Или любовь даётся тебе от рождения? И ты, с детства носящий её в себе, разучился ценить любовь, перестал беречь её и замечать? Я скажу, я прокричу в твоё удивлённое лицо, заору в твои уши о том, как важно хранить любовь, доверять ей, пока она с тобой. И я, не узнавший любви, буду рвать твою душу, когда она перестанет быть твоей. Перестанет потому, что ты забудешь любовь, единственное чувство, делающее тебя человеком.

Если быть точным, я не совсем экзорцист. По крайней мере, не такой, как показывают в кино. Помнишь, я сказал, что изгоняю демонов. На самом деле это не совсем точная формулировка. Изгнание демонов подразумевает, что из тела человека удаляется некая сущность, его захватившая, пленившая разум и волю. Но это неверно...

Я нескоро очнулся после того случая в переулке, в детстве. Если быть точным – прошло почти два года, прежде чем мне удалось вернуться в сознание. Мужчина, которого я невольно спас, оказался настоятелем местной церкви, при монастыре. Он отстоял меня, почти не подававшего призна-

ков жизни, когда мои похороны были уже почти состоявшимся событием; убедил провести глубокое обследование и врачи обнаружили у меня едва заметный пульс. И вот вместо гроба я лежал на кровати церковного госпиталя. Когда в следующий раз мои глаза увидели свет, мне было уже почти одиннадцать.

Родных у меня никогда не было, и настоятель сделал так, что я стал жить в монастыре. Он учил меня, много говорил о боге... Он... даже не знаю, ненавижу ли я его... И не знаю, о ком говорю в этой фразе – о настоятеле или о боге.

Смотреть на меня приезжали разные люди – их были десятки, может быть сотни. В основном это были бородатые мужчины, они сажали меня на стул, ходил вокруг, смотрели, шептались. Я помню их слова – они называли меня *существо*, называли *мессия*, иногда слышал незнакомое *психопат*, *эпилепсия* и что-то ещё. Никто из них не мог объяснить, что случилось тогда, в переулке. С годами этих людей становилось всё меньше. А я, ещё маленький, но уже постаревший, переставал понимать, что происходит вокруг...

Мне было пятнадцать, когда в мою комнату, в монастыре их называют кельи, ворвался настоятель; буквально вышиб дверь, схватил меня за руку и потащил за собой. Он был очень возбуждён и напуган. Мы пришли к подвалу, настоятель открыл дверь ключом, который был у него одного, и я, вслед за ним, вошёл внутрь. Не сразу, только через пару минут, когда глаза привыкли к тусклому свету, я заметил

в подвале мужчину. Не знаю, сколько ему было лет, но выглядел он очень плохо: потерянный, испуганные глаза, дрожащие руки, растрёпанные волосы; мужчина говорил очень быстро. Я с трудом разбирал слова, когда заметил в подвале ещё одну дверь. И, даже не знаю, как назвать это чувство, но я понял, что за этой дверью...

Мужчина рассказал, как проснулся ночью от холода и увидел, как его жена носится кругами по комнате, словно зависнув, не касаясь ногами пола. Рассказал, как упал в обморок от страха, очнулся только утром и увидел супругу, как ни в чём не бывало. Он уговорил её пойти в церковь на службу. А сам тихонько сбежал, нашёл настоятеля и вдвоём они затащили бедную женщину в подвал и заперли там. Я слушал всё это и уже знал, чего они хотят от меня.

Мне было страшно. Да любому будет страшно от ожидания того, что худший кошмар его жизни может повториться. А мой повторялся... Я каждой клеточкой чувствовал существо за железной дверью.

Помнишь, я ведь рос без родных. И не привык плакать или вообще как-то проявлять слабость. Но тогда я рыдал, я умолял настоятеля увести меня, умолял на коленях, падал лицом на земляной пол, кричал, впадал в истерику. А потом понял, что мы остались там вдвоём – я и существо. Не знаю почему, но в какой-то момент, словно не осознавая, что делает, моё тело само поднялось, встало на ноги, подошло к двери и открыло её.

Всё было как тогда – яростные, дикие глаза, страшные звуки шёпота, боль в ушах, кровь, потом вопли, хруст ломающихся костей, потом тишина... оглушительная тишина, в которой я слышал, как пульсирует кровь, сочась из раны на моей руке.

Хочешь знать, что происходит с существом, когда я провожу сеанс? Представь тело, упавшее с высоты десятого этажа на груды камней. Вернее то, что от тела останется. После изгнаний не бывает счастливых лиц, не случается восстановления семей, родственники не приходят с благодарностью по воскресениям. А знаешь, почему так? Потому что демоны не вселяются в тело, не захватывают душу. Душа сама превращается в демона, сам человек перестаёт быть собой и превращается в *существо*. Душу невозможно вылечить, можно только помочь ей, израненной, потерявшей себя, покинуть этот мир. Куда она уходит? Я не знаю. И не хочу знать. Мне и так хватает того, что известно. Знать больше я просто не вынесу...

Помнишь, мы говорили о любви? Храни любовь, береги её, потому что только она держит твою душу. Держит как атлант, крепко, не давая ей рассыпаться и умереть. Хорошо, когда ты любишь. Хорошо, когда тебя любят. Хорошо, когда ты прожил жизнь, твоё тело состарилось и душа, покидая его, продолжает свой путь. И плохо, очень плохо, когда тело живёт, а душа мертва. Тогда рано или поздно мы встретимся. И я услышу твой последний крик. Или ты мой. Это уж как

придётся.

После каждого сеанса на моей руке появляется глубокий порез. Существо не касается меня, не успевает это сделать. Но всё равно остаются раны. Они заживают долго, оставляя на коже широкий бледный след. На моём теле двадцать восемь таких шрамов. По числу моих сеансов. Это происходит, потому что зло, как и всё остальное в мире, не исчезает бесследно. Кто-то должен заплатить за смерть демона. И я плачу.

После того, второго сеанса, слухи обо мне стали медленно расплзаться по городу. А потом и дальше. В монастырь стали приезжать люди, привозили с собой жён, мужей, сестёр, братьев, детей, внуков; однажды приехали с собакой. Все они думали, что их родные одержимы злом. Знаешь, сколько из них были по-настоящему одержимы? Почти все. Но одержимы не демонами, не злом, а собственной глупостью. Одни люди приводили других людей, просили, умоляли вылечить, помочь; а я видел плачущих детей, которых взрослые за руку тащили в мой подвал. Знаешь, они ждали от меня чуда, не понимая, что им просто нужно дарить родным больше любви. Почти каждый день, с утра и до вечера, я смотрел в их лица, и с облегчением отправлял обратно.

Спросишь, как же я находил демонов? Забавно, но они чаще всего приходили сами. Таких безумных существ, как я встретил в детстве, в самый первый раз, оказалось очень мало. Возможно, больше таких и нет. Я не знаю. Демоны,

что встречались позже, были несколько иными – они не нападали на людей, но я читал в их глазах желание. Желание убийства, желание крови, желание чувствовать страх и слышать человеческий крик. Эти существа были ещё людьми, тела дышали жизнью, но души умирали. Умирали медленно, но уже не знали обратного пути.

Однажды ко мне приехала женщина. Она была сильно взволнована, привезла в монастырь сына, который, по её словам, был одержим. Мальчик почти не разговаривал, но часто кричал и ходил во сне. Я взглянул в его глаза, потом в глаза его матери. И всё стало ясно. Я пригласил женщину в подвал, закрыл дверь, а мальчик уехал обратно сиротой. Бедный ребёнок, как мне потом говорили, просто страдал аутизмом. Или что-то в этом роде...

Когда я захожу в подвал, вперёд себя пропуская одержимого, мне всегда страшно. Было страшно в первый раз, будет страшно и в последний. Чаще всего человек не подозревает, зачем мы идём туда. А я обманываю. Говорю, что нам нужно прикоснуться к мощам преподобного старца Николая, которые хранятся в специальной подвальной комнате. Конечно, никаких мощей не существует, как не было и никакого старца. Но мы заходим, я запираю дверь и через десять минут ада выползаю из комнаты один.

С годами я, наверное, привык ко всему этому, но до сих пор не могу стать равнодушным. Смотрю в глаза красивой женщины или ребёнка, смотрю и понимаю, что очень скоро

увидю в этих глазах дикую ярость, услышу истошный крик, когда разбужу в них то, что пока ещё спит. Я очень долго ненавидел себя за это. Ведь никто, кроме меня, не может понять, что эти люди уже мертвы, их души сломаны; никто, кроме меня, не знает, что будет с ними дальше.

Потом я стал ненавидеть их, демонов, ненавидеть за мою сломанную жизнь, за шрамы на моих руках, за мои седые волосы, за ужас, которым пропитана вся моя жизнь.

Знаешь, ненависть чувство пьянящее. Она как снежный ком. Стоит вылепить маленький снежок, кинуть его с горки, и через несколько минут он станет огромным. Ненависть не требует внимания к себе. Она самодостаточна. Пусти её в свой дом, и ты никогда уже не будешь в нём один. Ненависть будет с тобой.

Я лежу на полу, земляном полу монастырского подвала. Всего в нескольких метрах надо мной сотни людей в едином порыве читают молитвы. Они, возможно, счастливы, радуются тому, что бог рядом с ними, протягивает им свою руку. Бог любит их, они верят ему.

А что если бог не такой, каким представляют его они? Что, если он не добрый? Или добрый для них, а для меня нет? Или бога нет? Или меня нет? Я не знаю. Я ненавижу его, ненавижу этот подвал.

Знаешь, сегодня, как и вчера, и днём раньше, и неделю назад, я приду домой и буду пить. Но я плохо это умею. Сколько бы ни выпил, мне не дано допить до беспмятства, хо-

тя так хочется. Я открываю бутылку, потом вторую, третью; глоток за глотком моя голова тяжелеет, сознание мутнеет. Потом лежу на полу и смотрю в потолок. Перед моими глазами плывут лица. Сотни лиц, даже тысячи. И среди них двадцать восемь лиц демонов. По числу моих шрамов.

А утром я поднимусь на локти, потом на колени, чуть позже встану и подойду к зеркалу. Взгляну в него и разобью ударом кулака. Потому что увижу в нём глаза. Глаза, полные невероятной нечеловеческой ярости. И пойму, как появится двадцать девятый шрам. Вернее, не появится. Потому что у этого тела скоро не будет формы. И вряд ли найдётся кто-то, кто сможет приложить к ране подорожник.

Дом, в котором падает снег

Часть I. Львиный

Часто среди ночи я просыпаюсь от того, что мне не хватает воздуха. Нужно скорее выбежать на улицу, чтобы поглубже втянуть ночную прохладу. Я смотрю вокруг и вижу яркие звёзды, до которых, кажется, вот-вот дотянутся макушки сосен. Я смотрю вокруг и думаю о том, что из всех мест для жизни выбрал для себя наименее пригодное. Тебе наверняка знакомо это ощущение – идёшь по людной улице или в переходе метро – и вдруг, это совершенно необъяснимо, кажется, что всё вокруг – иллюзия, подделка; кажется, будто что-то не так, словно внезапно понял, что тебя обманули. Ты зами-

раешь на месте и вглядываешься в лица проходящих мимо людей – а вдруг кто-то знает, в чём дело; ждёшь, вот может этот мужчина подойдёт ближе, подмигнёт и скажет: «Всё хорошо, брат», щёлкнет пальцами и покажет настоящий мир. Но все идут мимо, а ты остаёшься стоять, не понимая, зачем делать следующий шаг или вдох. А потом всё равно приходится смириться, потому что нельзя весь день вот так стоять в переходе метро.

Порой чувствуешь себя словно сидящим за столом маленьким ребёнком. Перед тобой разбросаны кусочки паззла, а чей-то голос говорит: «Пока не соберёшь, не выйдешь из-за стола!»; а ты ещё не научился даже брать предметы в руки. Потом проходят дни, даже годы, а картинку всё равно никак не собрать, потому что в ней тысячи кусочков и все они разного цвета. А сейчас я просыпаюсь среди ночи и дышу холодным воздухом – и это самое лучшее, что может подарить мне мир.

Кто вообще придумал, кто сказал, что всё вокруг создано для нас? Почему ты считаешь, что всё будет хорошо? С какой стати решил, что должен быть счастлив? Почему этот уродливый мир светофоров, галстуков, кредитов, жирных ублюдков на улицах должен быть моим домом? Эй, кто там всё это создал? Ответ – почему не оставил мне выбора? Впрочем, как известно, выбор есть всегда. Именно поэтому ты не встретишь меня на улицах города, не увидишь в окне проезжающего автобуса. И я не приду в твою закусную съест

гамбургер. Потому что плюнул в рожу твоего довольного мира и оказался по другую его сторону. Ну что ж, давай познакомимся – меня зовут Павел, я лесоруб.

Посёлок, в котором работает наша бригада, был заброшен лет сорок назад. Когда-то здесь пытались добывать руду, но залежи оказались небольшими, производство свернули и люди разъехались. А четыре года назад тут решили добывать лес. Но найти желающих работать оказалось трудно – тайга, до ближайшего посёлка с людьми двести километров бездорожья, нет ни связи, ни телевидения. Словом, пара домов, из тех, что ещё сохранились, и тайга. Бесконечная, уходящая во все стороны за горизонт, тайга. Бригаду набрали из зеков – тех, кому скоро предстояло освободиться, но некуда вернуться. Как объясняли – профилактика потенциальных рецидивистов. Таких ведь много – кого-то выписали из квартиры, кто-то боится возвращения, кому-то просто некуда идти. Да мало ли причин бывает... Это в телевизоре всё хорошо заканчивается, а у нас по-другому.

В общем, собрали бригаду из одиннадцати человек, отремонтировали казарму под общежитие, сделали склад, дали инструменты. Раз в месяц с большой земли приезжают забирать заготовленный лес. Спросишь – за что сидел в тюрьме я? А я – единственный в бригаде попал сюда не из зоны, а просто по собственному желанию. Странно? Наверное... Но, знаешь, эти ребята и это место стали мне намного ближе, чем тот мир, в котором я жил раньше.

В моей прежней жизни вопросов было намного больше, чем ответов. Я так и не смог найти своё место. Это так здорово, наверное – лет в десять, например, понять, кем хочешь быть. Получить образование, а потом до старости заниматься любимым делом. До сих пор безумно завидую врачам – мне кажется, невысказанно круто жить с осознанием того, что можешь спасти, вылечить человека или животное. Я завидую тому, что у этих людей есть смысл, есть дорога, по которой можно и нужно идти. Они знают своё место и место это совсем не на последних рядах. А я... был химиком, был учителем, музыкантом, грузчиком, ремонтником, водителем. Но так и не стал собой. Вот только чья в этом вина? Моя? Или мира? Мир, от которого я уехал, любит ложь; он приветствует подлость, жестокость, ему нравится улыбаться в лицо, а потом ударить в спину; он не упустит возможность пнуть лежачего и вытереть об него свои грязные копыта. И что мне посоветуешь? Стать таким, как все? Заткнуться и принять правила игры? Нет уж... Если дружба строится на взаимной лжи, если нельзя сказать правду в лицо, то лучше быть одному. Вот это и есть мой путь. Дорога, которая привела на край земли к заполярным звёздам.

Как бы странно это не звучало, но именно здесь, на этом острове проклятых, среди потерявшихся, никому не нужных людей, я обрёл себя. Нашёл своё место. И ветхий, обледенелый барак стал домом, которого у меня никогда не было, но так хотелось обрести. А люди, которых ты обходил бы за ки-

лометр, которых мир считает павшими и никчёмными стали моими друзьями, моей настоящей семьёй.

У мира нет и не будет желания становиться лучше – когда тебе тепло, ты сыт, а по телевизору показывают интересный фильм – не нужно ничего менять, всё прекрасно так, как есть. Все революции создаются такими, как мы. Но теперь у нас иная задача – валить лес на краю света.

Наш посёлок называется Львиный. С тех пор, как была ликвидирована добыча руды, его перестали наносить на карты. Но осталась табличка с названием на единственной дороге. Ребята отчистили её и покрасили. Нам приятно осознавать, что мы всё-таки не шайка голодранцев в тайге, а посёлок.

Изначально в бригаде было одиннадцать человек – все осуждённые. Они согласились отправиться сюда, потому что им некуда было идти после окончания срока. Тем более, условия обещали лучше тюремных, да и зеками они здесь не считались. Как попал в посёлок я? Случайно. И закономерно. Когда мне хотелось завыть от окружающей действительности, я увидел по телевизору сюжет, в котором рассказывали о посёлке Львиный, как он умер, зато теперь, руками исправляющихся зеков, будет обретать новую жизнь. И я поехал туда. Что-то щёлкнуло в моей голове, включилось, как лампочка. Мне удалось связаться с администрацией района, там выслушали, покрутили пальцем у виска, но препятствовать не стали. И вот, два года назад, весной, какими-то неве-

роятными путями я оказался в тайге, в бригаде бывших зеков.

Посмотреть на нас со стороны – не иначе нашествие викингов на Англию. Бородатые, с проседями в волосах, крепкие мужики с топорами. Специфика нашей работы такова, что приходится много пользоваться и обычным ручным топором. Нас даже звери побаиваются, они здесь частые гости, а люди... Хорошо, что кроме нас тут никого нет.

Понятное дело, бригада встретила меня настороженно. Это мягко говоря. Ведь сложно понять, зачем человек добровольно едет в тайгу валить лес. Меня хотели сразу же отправить обратно, но бригадир, Пётр, отчего-то разрешил остаться. Петра слушали, его мнение имело вес. Так я стал двенадцатым жителем посёлка Львиный.

Проходили месяцы, ребята присматривались ко мне, постепенно привыкли. И я тоже узнавал их. Вообще, болтливость здесь не приветствуется, о себе говорят мало. То ли зона научила их этому, то ли воспоминания не радуют... пусть так, это право каждого. Но, где знают двое – знает и свинья. Со временем я немного узнал о каждом из моих новых... коллег... соседей... даже не знаю, как назвать. Никто не говорит это вслух, но, по правде, мы давно уже считаем себя братьями. Здесь нет фамилий, нет прозвищ. Друг друга зовут только по имени. И мне это нравится.

В посёлке несколько строений. Главное – это общежитие. Там, как в армейской казарме, стоят рядами кровати. На са-

мой дальней, у окна, спит Пётр. Бригадир, лидер нашего коллектива. Всё в нём – черты лица, манеры, жесты, голос – выдают прирождённого руководителя. Петра слушают, соглашаются с ним, даже когда имеют сомнения. Его голос тяжёлый, низкий, будто проникает внутрь. Я благодарен Петру за то, что он разрешил мне остаться, убедил других не выгонять меня. Он как старший брат всем нам.

Пётр был лидером всегда. Говорят, ещё в детском доме он сколотил свою первую банду. Подростки занимались мелкими кражами, а Пётр руководил процессом. Позже, уже взрослым, он занимался бизнесом, как все в те времена, на грани криминала. Успешно вёл дела, а потом перешёл дорогу кому-то с большими связями и надолго сел в тюрьму. Всё его имущество конфисковали, поэтому возвращаться Петру некуда. В тюрьме пользовался авторитетом, но уже там стал отстраняться ото всех. Когда поступило предложение уехать в посёлок Львиный, Пётр принял его, не раздумывая.

Порой мне кажется, что судьба то ли грубо ошиблась, то ли специально подшутила над нами. Родись мы на тысячу лет раньше, наши топоры крушили бы не деревья, а черепа врагов. Пётр вёл бы нашу маленькую армию по морю на драккаре, и не было бы в мире силы, способной нас остановить. Но, всё сложилось иначе.

В общежитии есть хозяйственная комната, где хранятся инструменты и одежда. Этим заведует Андрей. Невысокий, почти лысый, со множеством шрамов на теле. У него на ру-

ках всего семь пальцев – это следы его прошлой жизни. Андрей – террорист. Он делал бомбы, кустарные устройства жуткой разрушительной силы. Порой в процессе производства они срабатывали. Странно, как Андрей вообще до сих пор жив.

Честно говоря, странно, что все мы ещё живы. Не знаю, чего хотели, когда селили зеков жить в тайгу – может и правда думали при помощи труда исправить, а может, надеялись, что мы тут перебеём друг друга. Как бы там ни было, мы живём, работаем и, наверное, приносим пусть небольшую, но пользу.

В любом деле требуется вести учёт, этим у нас занимается Ваня. Бывший главный бухгалтер. Хороший и добрый человек. И в этом его беда. Фирма, где работал Ваня, отмывала деньги. А он был слишком наивен и доверчив, чтобы это понять. В итоге, руководители сбежали, а Ваня сел в тюрьму за финансовые махинации. Жизнь сильно потрепала его, впрочем, как и всех нас, и изменила. Однако, глядя в Ванины глаза, понимаешь, что он по-прежнему всё тот же наивный и застенчивый бухгалтер, хотя топором машет получше многих.

Мы так и не стали своими в том, оставленном нами, мире. В мире, где нужно врать, где подлость и лесть могут вознести на самую вершину. Здесь мы просто вонзаем топоры в огромные деревья и говорим друг другу правду. Нам не нужна ложь, чтобы выжить; а нужна правда, чтобы жить.

А жить нам помогает маленькая кухня, там же находятся столовая и склад. Готовим мы по очереди, еда простая. Правда, всегда радуемся, когда наступает очередь Ильи. Он самый молодой из нас. Окончил химический факультет. Стал работать по профессии, но не совсем так, как можно подумать. Он занимался изготовлением наркотиков. В тюрьме его несколько раз пытались убить, поэтому Илья предпочёл зоне тайгу. Готовить у него получается особенно вкусно, химик всё-таки, знает толк в пропорциях. А иногда, по случаю, едим кабана или оленя. Оружие у нас есть, и иногда Артём постреливает в животных, которые забрели в посёлок.

Артём бывший военный. Профессиональный убийца. Невысокий, с виду безобидный человек. К таким мелкие хулиганы подходят за сигаретой, и спросить, с какого района. В то же время знает с десятков боевых искусств и стреляет из всех видов оружия. Лет двадцать назад, ещё молодым офицером, Артём был на войне. Их отряд окружили, и после трёхдневных боёв он один остался в живых, получив пять ранений. Через некоторое время в госпиталь приехал генерал, чтобы наградить Артёма орденом. Всё обставили очень красиво – пригласили журналистов, покрасили траву, сменили в палатах постельное бельё. А на следующий день Артёма выгнали из госпиталя и уволили из армии. За то, что он плюнул генералу в лицо и выкинул орден в окно. Артём до сих пор иногда говорит, что лучше бы погиб тогда вместе со своей ротой. Он вернулся домой и стал киллером. Ему назы-

вали имя, он нажимал на курок. Всё просто. Во внешности и поведении Артёма примечательны две вещи – он очень редко моргает и быстро выходит из себя, если не может завести бензопилу.

Пилы и топоры помогают не только в работе. В посёлке есть душевая, но мы не используем её. Ребята, ещё до моего приезда, своими силами построили небольшую баню. По воскресениям мы ходим туда помыться, а заодно и постирать. Построить баню всех вдохновил Сергей. По собственному определению – бывший интеллигент. Когда-то был учителем в школе, потом стал выпивать. Сначала изредка, а потом допился до того, что жена сменила замок на двери. Сергей оказался на улице. Спустя неделю блужданий, среди бела дня на оживлённом перекрёстке он поджёг полицейскую машину, а потом избил двух сотрудников. В тюрьму Сергей уезжал с едва зажившими переломами четырёх рёбер. Из всей бригады ближе всего я сошёлся именно с ним. Как говорит Володя – два любителя п*****ть.

Володя – вор. С десяти лет обеспечивал себя сам. Сидел то ли три, то ли пять раз за мелкие и не очень кражи. Говорит, что если бы вернулся в свою прежнюю жизнь, сел бы снова. Поэтому предпочёл уехать в тайгу и начать жизнь заново.

С Сергеем мы как-то вели разговор про детей. Вернее о том, как дети становятся такими, как мы. Вряд ли кто-то в роддоме смотрит на малыша и думает – вот это будущий

убийца, а этот взорвёт не одну станцию метро. Мы всегда надеемся, что дети станут лучше нас, успешнее; представляем, как в их жизни сбывается то, что не сбылось в нашей. Но что же превращает нас в тех, кем мы являемся сейчас? Сергей говорит, что это среда – та обстановка, в которой ребёнок растёт. Малыш смотрит вокруг и считает нормальным то, что видит; копирует окружающих. Сам Сергей, как он говорит – алкоголик в седьмом поколении. Наверное, имеет право так считать. А мне кажется, человек, ребёнок может преодолеть всё, что угодно. Весь вопрос только в том, где и как найти на это силы.

Рядом с кухней стоит ещё одно небольшое здание. Это дизельная электростанция, поэтому в посёлке, как и везде на севере, огромное количество железных бочек. Пару месяцев назад задержался приезд провизии с материка. Горючего нам привозят в обрез, без запаса. Две недели мы прожили без света. Готовили на костре, освещали комнаты лучинами. И, знаешь, это было даже интересно. Это как если привык смотреть вечером телевизор, но внезапно отключают электричество, и, впервые за долгое время, ты читаешь книгу при свете свечи, пьёшь чай, сваренный в кастрюльке, и ходишь по квартире с фонариком. Маленькая капля приключений в океане стабильности.

Когда топливо нам всё-таки привезли, начальник экспедиции уехал обратно без двух передних зубов. Это постарался Матвей, которому заявление «ну не сдохли же», по-

казалось неправильным. Он бывший мировой судья. С детства обладал обострённым чувством справедливости. Окончил юридический факультет и стал блюстителем закона. А потом у Матвея тяжело заболела сестра, на лечение нужны были огромные деньги. Не сумев их найти, он впал в отчаяние, а потом нашёл выход – стал брать деньги за нужный результат в судебных процессах. Но через полгода сестра Матвея умерла, несмотря на все усилия. А сам он написал явку с повинной. Попал в бригаду, так как считает себя недостойным вернуться домой.

Зато, как и все мы, нашёл свой дом здесь. Пусть у нас нет телевизора и сотовой связи. Зато есть шахматы, шашки, нарды и большая библиотека. Книги можно заказать и их привезут с материка. Читать больше всех любит Алексей. Он говорит, что до Львиного толком не читал даже школьной программы. Но пребывание здесь, я надеюсь, меняет нас к лучшему.

Алексей электрик, работяга. Всю жизнь прожил в одном доме. Его соседом был парень-одногодка. Они дружили с детства, но потом их пути разошлись. Алексей стал рабочим, а сосед – успешным бизнесменом. При каждой встрече он стал хвастаться Алексею то новой машиной, то телефоном, то любовницей, подшучивая – давай, мол, учись электрик, как надо жить. И вот однажды, поздно вечером, Алексей увидел, как сосед открывал дверь своей машины, помогая выйти очередной подруге, в которой узнал их бывшую однокласс-

ницу, свою первую любовь. В ту же ночь он сжёг машину соседа, а ему, выбежавшему на шум, сломал обе ноги и засунул в мусорный бак. В тюрьме Алексею было тяжело, он так и не принял её законы. Поэтому уехал в тайгу, как только получил предложение.

Тайга – суровое место. Она требует уважения к себе. Здесь тяжело, нужно использовать все свои знания и умения, чтобы выжить. То, что в городе кажется простым – набрать воды, приготовить еду, постирать – тут становится маленьким приключением. Но мы не жалуемся. Мы живём в гармонии с природой. На месте дерева, которое мы спилим, вырастет новое. Пусть не за один день, не за год, но что такое пятьдесят лет для тайги? Мгновение. Мы знаем, тайга огромна и сильна. И даже Фёдор – самый могучий из нас в сравнение с ней всего лишь песчинка.

Фёдор огромный и сильный человек. С юности ему было сложно контролировать себя, он часто дрался и в итоге попал в секцию бокса, где долго учился справляться с собой. Казалось, проблема осталась в прошлом. Фёдор выступал в региональном турнире, когда в соперники ему достался сын местного депутата. Судья с самого начала матча делал всё, чтобы Фёдор проиграл. Поединок превращался в фарс, а люди вокруг делали вид, что так и надо. В итоге нервы подвели Фёдора – он нокаутировал сначала соперника, потом судью, двух тренеров и комментатора. Когда на поле боя выбежал депутат-заказчик результата, Фёдор нанёс ему несколько

ударов, после которых тот уже не поднялся. Домой возвращаться Фёдору нельзя, там его ждут те, кто мечтает о мести.

Иногда кажется, что жизнь заканчивается, едва начавшись. Ты строишь планы, мечтаешь, но вдруг оказываешься в тайге. С топором в руках. А потом учишься обращаться с ним, начинаешь понимать, с какой стороны нужно рубить дерево, чтобы оно, падая, не сломало тебе шею. Учишься и начинаешь жить снова. И слышишь смех там, где, казалось, не должно быть никаких звуков, кроме шелеста листвы.

Самый звонкий смех у Семёна. Он чёрный риэлтор. Занимался тем, что продавал квартиры в домах, которые существуют только на бумаге. Часто менял имена, документы, переезжал из города в город. Мы даже не уверены, что Семён – его настоящее имя.

Я в посёлке почти два года. Нам нравится думать, что мы делаем хорошее дело. Пусть не самое важное, но полезное. Мы знаем, зачем просыпаемся по утрам и закрываем глаза вечером. У нас есть свой, пусть очень маленький, но собственный мир. Людовик XIV говорил: «Государство – это я!». А мы можем сказать: «Посёлок Львиный – это мы». И этого вполне достаточно.

Вообще, Львиный – это почти идеальная модель коммунизма. У нас нет денег, мы всё делаем вместе, каждый вкладывает столько, сколько может. Здесь мало вспоминают о прошлой жизни, предпочитая прошлому настоящее. Будущее? Не знаю, есть ли оно у нас. Но знаю, что завтра и по-

слезавтра и потом тоже, мы будем заготавливать лес. И это не так плохо. В своём прошлом я не знал, что делать завтра. А здесь знаю.

Моя жизнь за эти два года стала тихой и размеренной. Вечером мы с Сергеем играем в шашки, пьём чай, беседуем. Летом, в воскресенье, играем в футбол. Но, оказывается, даже в такой жизни, как эта, случаются чудеса.

Часть II. Прото

В посёлке есть ещё одна постройка. Это крохотный домик в полукилометре от общежития. Он должен был быть жилищем бригадира, но Пётр не захотел жить там. Здание долго пустовало, а с недавних пор там поселился тот, кто внезапно стал тринадцатым жителем посёлка Львиный. Тот, о ком я специально умалчивал, потому что он требует отдельного рассказа.

Почти полгода назад произошло невероятное событие – в посёлок пришло письмо. Сказать, что мы были поражены – не сказать ничего. Нас ведь никто не ждёт на материке, никто по нам не скучает. И вдруг письмо. На конверте короткая надпись – «Посёлок Львиный. Ивану». Ваня читал, и с каждой секундой удивление всё больше проявлялось на его лице. У нас было много вопросов, но он ответил наперёд:

– До тюрьмы я немного занимался йогой. Я же бухгалтер, весь день сидел в кресле, в общем, друзья посоветовали сходить на занятие. Преподавателем там был мужичок такой

интересный. Его звали Прото. Он то ли грек, то ли хорват. Крутой очень. Такие асаны показывал, это позы в йоге, просто немыслимые. А после занятий мы чай пили, он истории интересные рассказывал. Очень светлый человек. Я полгода где-то занимался, а потом Прото исчез. Другого преподавателя поставили, но уже не то... Бросил я это дело.

– Ну, а пишет-то кто? – не выдержав, Матвей прервал Ивана.

– Так вот он и пишет! – с удивлением констатировал Ваня. – Я же его сколько не видел? Двадцать лет почти. Как меня нашёл? Откуда взялся? Пишет, что хочет приехать.

Мы все были сильно озадачены – часто ли находятя люди, готовые добровольно уехать в тайгу? Тем более, что один такой уже был здесь. Письмо казалось чем-то невероятным, и мы, скорее с нетерпением и интересом, чем с подозрением, стали ждать появления человека по имени Прото.

Он приехал всего через пару дней после того, как появилось письмо. Почты как таковой здесь нет вообще, и то, что конверт дошёл до Вани, уже было чудом. Оказалось, письмо Прото отправил ещё четыре месяца назад. В тот день я был дежурным по кухне, помешивал кашу и изредка смотрел в окно. Не ждал кого-то, а просто, по привычке. Сначала я не поверил своим глазам, но присмотрелся и понял – по дороге действительно идёт человек. Высокий, худощавый; в лучах солнца его волосы казались почти белыми. В руках он держал армейский вещмешок. Я смотрел на него несколько ми-

нут, а потом он приблизился к дому и постучал в дверь. Наверное, можно даже немного гордиться, что именно мне выпала честь встретить этого необычного человека. Я открыл, он взглянул мне в глаза и просто сказал: «Привет. Я Прото». Голос был с лёгким акцентом, но это скорее предавало изюминку и нисколько не мешало общению.

Скоро ребята вернулись из леса на обед. Узнав, кто приехал, все пребывали в возбуждении. Есть такие люди, которые сразу располагают к себе. Прото оказался как раз таким. Он как хорошее вино – сделал небольшой глоток, но уже понимаешь, что вечер удался. Глаза Прото, его голос, какая-то фантастическая лёгкость в движениях завораживали, хотелось слушать его и говорить с ним. Я был удивлён, но, кажется, все испытали такие же ощущения. Его приняли как старого друга, который уезжал по делам, а теперь вернулся обратно. Даже Пётр, не признающий никаких авторитетов, долго тряс руку Прото, как будто случайно встретил любимого певца. В общем, так легко и просто Львиный обзавёлся ещё одним жителем.

Мы давно привыкли к нашей жизни, не ждали от неё ни чудес, ни даже перемен. Может, мы не испытывали радости, но и горя тоже не знали. Всё шло своим чередом. Это ведь здорово – знать, кто ты такой, понимать, что делаешь. Пусть нам не повезло в жизни, зато теперь мы спокойно делаем свою работу. Если считать стабильность успехом, то мы его добились. Пусть где-то далеко, в ночном клубе, ты стоишь

перед нелёгким выбором – накатить еще лонг-айленд или выпить текилу? – а я здесь думаю – срубить ветки топором или может бензопилой получится? Но знаю точно – то, что мы поняли, повстречав Прото, стоит больше, чем все твои деньги.

Прото поселился в отдельном домике, том, который предназначался Петру. Сказал, что ему нужно уединённое место для медитации. Ребята не стали возражать, но поняли не многие. И тогда Прото предложил – если мы захотим, он может рассказать нам интересные истории о мире, о человеческом теле и душе. Конечно, мы согласились. У нас ведь мало развлечений, да и Ваня говорил, что Прото хороший рассказчик.

Утром Прото просыпался раньше всех, делал зарядку, занимался йогой. Сначала один, потом Ваня решил вспомнить былое, позже присоединились и остальные. Это казалось даже странным – тайга, ни души вокруг, а тринадцать мужиков на поляне пытаются выгнуться в непонятных позах. Но было весело – особенно радовал Володя – он торопился и поэтому неизменно падал под наш дружный хохот. Прото говорил, что такими упражнениями мы настраиваем своё тело, создавая комфортные условия для души и разума. И пусть сначала будет тяжело, непонятно, но, если упорство победит, то тело и душа станут совсем иными, сильнее и лучше. Тем более, сказал Прото, в тайге такой чистый воздух.

А по вечерам, после работы и ужина, мы пили чай и бе-

седовали. В основном, конечно, говорил Прото. Ваня не соврал, его и вправду было очень интересно слушать. Мы ведь почти не говорили друг другу о себе, предпочитая не вспоминать прошлое. Прото изменил и это. Он первым рассказал свою историю, чтобы дать нам понять – прошлого не нужно стыдиться, тем более, здесь.

Прото оказался родом из Черногории. Его отец был очень состоятельным человеком, но решил, что сын должен всего добиться сам, и отправил подростка учиться за границу. Однако, образование Прото так и не получил. Он познакомился с искусством йоги, бросил учёбу и уехал в Индию. Там много тренировался, читал книги. И в итоге сам стал мастером. Спустя годы, в поисках своего места, он приехал в Россию, стал преподавателем и познакомился с Ваней. А потом Прото рассказал, как потерял веру в себя:

– Иногда случается так, что ты идёшь по дороге. Идёшь быстро и легко. И, кажется, так будет всегда. Но потом дорога упирается в тупик. Ты видишь перед собой стену, высокую стену, которую никак не обойти; и не понимаешь, что делать дальше – настолько неприступной кажется преграда. Идти назад ты не можешь, оставаться тут – бессмысленно. И вот ты стоишь на этом месте, не зная, что же делать дальше. Вот и я оказался у такой стены. Уткнулся и растерялся. Не мог идти вперёд. И тогда я стал искать ответ в алкоголе, в наркотиках. Думал, с ними мой мозг станет сильнее. Но он стал слабее, потому не думал ни

о чём, кроме очередной дозы. Так продолжалось долго, пока друзья не помогли мне уехать в Швецию. Там я не только избавился от зависимости, но и понял массу интересных вещей. Например, то, что прятаться от себя – не выход. Только приняв себя таким, кто ты есть, можно стать другим. В Швеции мы проводили собрания, мы садились, как сейчас с вами и рассказывали о себе. Это интересно – рассказываешь вроде бы другому, а пользу приносишь и ему и себе. Мы все разные. И все похожи. И если ошибся или оступился – расскажи об этом. Так, давая другому шанс избежать твоих ошибок, ты как бы компенсируешь свою. Когда упираешься в стену, не нужно отступить, всего лишь нужно построить ступеньки, встать на них; и шаг за шагом оказаться на такой высоте, что стена станет всего лишь напоминанием о твоём успехе.

Прото говорил, что стал наркоманом, потому что хотел узнать себя. И проиграл, чтобы потом победить. Опустился на дно, а потом взлетел к самому солнцу; учил этому нас, заброшенных судьбой на безлюдную окраину земли.

Когда у тебя нет дома, нет своего места, когда жизнь сурово обошлась с тобой в сердце может поселиться гнев, ненависть, страх; в сотни раз увеличивающийся от того, что, кажется, будто не можешь ничего изменить. И Прото, этот чудесный, неведомо откуда взявшийся человек, стал не просто нашим братом. Он стал откровением, научившим нас понимать себя. Он говорил нам:

– Нет ничего хуже молчания. Нужно говорить, нужно кричать, если требуется.

И мы говорили. Андрей рассказал, как стал террористом; как потерялся в мире и, не найдя руку помощи, принялся этот мир уничтожать. Пытался дотянуться до всех, кого можно достать, чтобы и они почувствовали его отчаяние, наполнились его ненавистью, а после передохли как мухи.

Фёдор, этот огромный и могучий человек, наделённый такой силой, что и сам не сумел с ней справиться, говорил: «Во мне кипела такая мощь, но куда же мне её деть? Я не могу взять и положить её в сторонку, до лучших времён. Мне нужно жить с ней каждую минуту, каждое мгновение; и справляться. А как?».

Семён, мошенник, оставивший сотни семей на улице, вздыхал: «Вот ирония – и сам тоже бездомным оказался. А здесь... Здесь, наверное, дом себе нашёл. Те, кого обманул? Надеюсь, тоже справились...».

И даже Пётр, не признававший не одного авторитета в жизни, слушал Прото, как слушают отца или старшего брата. Слушал, соглашался.

– Мы все нужны миру. То, что есть в нас – это не хорошее и не плохое. И мы сами решаем, какими будем, чью сторону примем. Я видел врагов, принимал их врагами, а потом они становились моими друзьями. Можно ведь уважать и врага, можно принять удар достойно и тогда мир почувствует твою силу. А из уважения рождается большее – быть мо-

жет, даже дружба и любовь. Быть может, мы не брошены миром, не забыты, а нужны для чего-то важного. Как знать...

Теперь вечерами, после бесед, ребята подолгу молчали. Думали, переваривали то, что говорил Прото и мы сами. Но это было такое, знаешь, уютное молчание. Ведь говорят, что настоящий друг – тот, рядом с которым не нужно даже слов, чтобы понять друг друга. А Прото уходил к себе, в маленький домик. Я видел, как в его окне подолгу горел свет.

Однажды ночью мне не спалось. Накануне вечером Артём рассказывал о себе, как был на войне, как убивал после. И, наверное, впервые мы услышали в его голосе сожаление. Сожаление о том, что он до сих пор жив: «Я столько раз лез под пули, ползал по минному полю, а всё равно живой. Людей перебил... не знаю, сколько. Давно умереть хотел, а сам себя не мог... выходит, нужен? А, Прото?».

– Если говоришь сейчас об этом – значит, нужен. Для чего? Я не знаю. Вчера Матвею пилу починил, помнишь? Может, для этого? – улыбаясь, отвечал Прото.

Мы разошлись спать, а я всё думал, не мог закрыть глаза. Вышел на улицу, увидел свет в домике Прото и решил зайти. А когда открыл дверь – не знаю, что это было...

Прото лежал на полу, его руки были раскинуты в стороны, он словно сиял. Глаза были открыты, но, казалось, не видели ничего. А в комнате... падал снег. Плавно, величественно. Снежинки возникали под потолком, падали вниз и про-

падали, не касаясь пола. Такие большие белые хлопья. И это было самое красивое, что я видел за всю свою жизнь. Прото не видел меня, он словно смотрел куда-то далеко-далеко, сквозь потолок, облака, звёзды. Я простоял так очень долго, не в силах оторваться.... А потом тихонько ушёл. Прото, казалось, так и не заметил меня.

Утром, на завтрак, мне было стыдно. Стыдно, что подглядел что-то, чего, наверное, не должен был видеть. Я ждал, когда придёт Прото. Он пришёл последним, сел за стол и незаметно для других подмигнул мне. Но, словно в воздухе, я почувствовал какое-то тревожное ощущение.

Мы позавтракали и пошли в лес, на работу. Дежурными в тот день остались Матвей и Илья. Я шёл рядом с Прото, мы разговаривали, но он, словно нарочно, избегал темы прошедшей ночи. Рассказывал, как в Индии, в каком-то портовом городе работал на маяке:

– Это ведь здорово – освещать дорогу, указывать путь. Чувствуешь себя словно частичкой света в темноте. Хорошая была работа.

Я решил: «Значит, время ещё не пришло».

Потом мы рубили деревья, как всегда. Работа – это, в целом, хорошо. Она отвлекает от мыслей. И я даже позабыл на время ночную историю, когда неожиданно прибежал Матвей. Он сильно запыхался, был невероятно взволновал:

– Мужики! Там... в посёлке... спецназ... Откуда? Не знаю... Меня не видели, Илью прессуют... Говорят, ты в ро-

зыске. Переворот какой-то где-то устраивал... Чё за херня? Прото?».

В наступившей тишине слышно было только, как пульсирует вена на виске у запыхавшегося Матвея.

– Это было не так давно, был бы телевизор, вы бы слышали. Я был в организации, мы боролись за права бедных. Однажды мы разгромили несколько правительственных учреждений, там занимались воровством денег у населения. Многих арестовали, а мне удалось уехать. Я слышал, что был объявлен в розыск, но не мог представить, что меня найдут здесь. Так, Пётр, оставайтесь тут. Я пойду к ним. Буду сдаваться.

Но тут вступился Артём:

– Пётр, Прото, мужики! У нас четыре винтовки с собой. Ну, сколько их там? Взвод, не больше... Мы что им, Прото просто так отдадим? Мы что, за этим здесь, чтоб ублюдки и тут командовали? Мне лично плевать, да хоть бы Прото целый город вырезал, я за него буду!».

– Илья у них, – напомнил Сергей.

– ****ь, ну и попали, – вздохнул Ваня.

– Короче, кто за то, чтобы драться? – громко сказал Пётр, – Илью заберём и в тайгу, не пропадём.

На предложения Петра мы все подняли руки в знак согласия. Фёдор, кажется, был даже рад:

– Ну, хоть развлечение какое на этой лесопилке!

Теперь, много лет спустя, я понимаю, какой глупой была

эта затея. Но всё равно не жалею ни о чём. Мир выплюнул нас, словно пересоленный завтрак, даже толком не прожевав, с омерзением. А теперь он хочет вломиться и сюда? Пусть попробует.

Мы пошли к Львиному через лес. Артём, Пётр, Фёдор и Андрей шли с винтовками. Остальные взяли топоры. Сквозь деревья мы видели, как люди в камуфляже прочёсывают посёлок. В лес забираться они пока не решались. Такое место – если не знаешь, куда идти, обратно можно и не вернуться.

Но мы ошибались, думая, что ситуация под контролем. Вернее, она была под контролем, но не нашим. Нас окружили, едва мы подошли к посёлку. Илья рассказал, где нас искать и ко встрече они были готовы.

Артём выстрелил первым. Мы были совсем близко друг к другу, и схватка перешла в рукопашный бой. Я навсегда запомню своих друзей такими, какими они были тогда. Ваню, скромного и робкого бухгалтера, который с криком бросается на пятерых солдат сразу. Или полноватого риелтора Семёна, лежащего в луже крови, но отчаянно пытающегося подняться. Артёма... в него выпустили три очереди из автомата, а он с улыбкой сползал на землю, держась за дерево. Фёдора, у которого заклинило винтовку. Он раскидывал солдат, как шар в боулинге разбрасывает в стороны кегли. Сергея, орудующего двумя топорами сразу. И других, мужественно дравшихся ребят. Помню себя, как бил топором в грудь солдату. На нём была маска, но в глазах читался страх.

Потом я увидел приклад автомата в сантиметре от лица. А дальше темнота...

Эпилог. Семнадцать лет спустя.

Сейчас мне пятьдесят пять лет. Я работаю смотрителем маяка. Мне это нравится, тем более, бывшему заключённому сложно найти работу. Я отсидел пятнадцать лет строгого режима за участие в мятеже, так они называли то, что случилось в посёлке Львиный. Много позже, уже в колонии, узнал – Артёма, Петра, Андрея, Фёдора, Матвея, Семёна и Володю спецназовцы убили на месте. Ваня, Алексей и Сергей получили пожизненные сроки за сопротивление правительственным войскам. Илью освободили за сотрудничество. Посёлок Львиный ликвидировали, слышал, сломали даже табличку с названием. Мне дали пятнадцать лет, потому что я ранее не был судим. Что стало с Прото? Не знаю... О нём никто не слышал.

Прото как-то вспоминал:

– Я ведь однажды был здесь. Меня ждали, а когда пришёл, не поверили, что это я. Наверное, им нравится ждать, раз они поступили так. Меня выгнали и стали ждать снова. И я вернулся, а никто не заметил. Тогда я пришёл к вам, вы – единственные встретили меня и приняли к себе. Накормили и говорили со мной.

О чём он тогда говорил? Не знаю. Просто надеюсь, что он ещё жив. Я представляю – быть может, Прото плывёт на

корабле и попал в бурю, приборы вышли из строя, а судно сбилось с пути. И зажигаю свой маяк, чтобы он увидел огни и не разбился о скалы.

– Это ведь так здорово – освещать дорогу, указывать путь. Чувствуешь себя словно частичкой света в темноте. Хорошая работа!

А потом иду в свою комнатку, ложусь на пол, раскидываю руки в стороны и смотрю, как у потолка, неведомо откуда, появляются снежинки. Большие белые хлопья. Они долго кружатся, опускаются вниз, падают на моё лицо и тают. Если бы кто-то увидел меня, то подумал, наверное, что это слёзы. Пусть так.

Наверное, теперь мне нужно быть здесь. Просто для того, чтобы в окне горел свет. А вдруг Прото снова придёт и увидит в темноте этот маленький дом. Дом, в котором падает снег.

Ричард

Сегодня ночью я проснулся и увидел снег за окном. Забрался на подоконник и долго-долго смотрел на снежинки, порхающие в свете фонарей. Дома было тихо, все ещё спали. И если бы я мог открыть окно, то наверняка услышал бы, как снежинки, одна за другой, опускались на карниз. Скоро наступит утро, и новый день многое изменит в моей жизни. Сегодня Женя выходит замуж. А я... Я просто рад за неё, по-настоящему рад. Жаль только, что не смогу сказать ей об

этом. Поэтому я спущусь с подоконника, заберусь на Женину кровать и тихонько свернусь клубком у неё в ногах. Потому что я кот. Меня зовут Ричи. Но мне больше нравится полное имя – Ричард Львиное Сердце.

Мы с Женей давно вместе, почти шестнадцать лет. По кошачьим меркам я уже старик, но мне больше нравится считать себя не старым, а мудрым, опытным. Хозяйка хорошо кормит меня, заботиться; и выгляжу я отлично. Спасибо тебе за это, Женя. Ведь так было не всегда.

Жене было восемь лет, когда она нашла меня на улице. Я был совсем крошкой. Не помню, что было со мной до нашей встречи. Память имеет интересное свойство – она может прятать очень глубоко самые плохие воспоминания. Наверное, чтобы сберечь нашу психику. Поэтому первое, что я помню – это дождь. Мне было холодно, очень хотелось есть. Я весь промок и прятался под козырьком у подвала дома. Был вечер, было темно, ни души вокруг. А потом я увидел её, моего ангела и спасителя. Женя бежала куда-то, она тоже промокла. Мне так нужна была помощь, и я замяукал так громко, как только смог. А она... Женя заметила меня, маленького, грязного, мокрого котёнка; присела рядом и начала гладить. В её глазах были слёзы, она сама была ещё совсем маленькой, но стала моим спасителем. Женя взяла меня на руки и шептала: «Ты мой хороший, я возьму тебя к себе домой. Бабушка будет ругать... но, ничего. Я назову тебя Ричи, ты будешь моим другом». Она прижимала меня, и нам было

так тепло, так хорошо, что мы не обращали внимания на то, что я пачкаю её кофточку грязной шерстью. Мы промокли насквозь, но это было таким счастьем. И тогда, в ту самую минуту я поклялся – чтобы не случилось, всегда буду рядом с ней, буду защищать Женю изо всех своих кошачьих сил.

Это было так давно, мы прожили вместе целую жизнь. А сегодня всё изменится. Женя покинет этот дом, чтобы обрести себя новую. И я, конечно, пойду вслед за ней.

История, которую я расскажу, не будет грустной, хотя и может вызвать слёзы или чувство жалости. Но мне этого не хочется. Я хотел бы, чтобы тот, кто услышит её, понял – в жизни есть разные пути, непростые судьбы; порой так хочется заплакать или опустить руки. Но тот, чьё сердце открыто свету, всегда отыщет его, даже если кажется, что вокруг кромешная тьма.

Когда Женя принесла меня домой, мокрого и грязного, нам предстояло выиграть первое сражение. Помню, как бабушка восклицала: «Господи, Жень, да где ты только его нашла?», а дедушка говорил: «Ну, давай нормального возьмём, если так хочется, а то дворняга какая-то!». Меня уже хотели выставить за дверь, но Женя так плакала, говорила, что уйдёт из дома вместе со мной... В общем, меня оставили. Как же мы были счастливы!

Женя отвела меня в свою комнату, посадила на колени и долго-долго гладила. Говорила, какой я хороший, что никогда не бросит меня и не даст в обиду. И она сказала правду –

прошло шестнадцать лет, целых шестнадцать долгих лет. А мы вместе. И так будет всегда.

С тех пор, с самого первого дня, у нас сложилась традиция – каждый вечер Женя сажала меня на колени и рассказывала, как прошёл её день. Делилась радостью, переживаниями, смеялась и плакала, а я мурчал для неё, стараясь петь как можно громче.

У каждого должен быть кто-то, ну или что-то, кому можно доверить свои мысли, чувства, рассказать секреты или просто выговориться. Именно по этой причине люди пишут в дневниках, встречаются с друзьями, звонят по телефону, даже пишут стихи или песни. Невозможно держать всё в себе, иначе переизбыток эмоций погубит. В человеке так много переживаний, что нужно оставлять старые, чтобы освободить место для новых. Для Жени таким дневником стал я.

Я ведь домашний кот, на улице почти никогда не был, и если Женя уходит, мне всегда чуть-чуть тревожно, что не могу отправиться вместе с ней. Но я знаю, что она вернётся, обязательно вернётся, чтобы посадить на колени и рассказать, как прошёл день.

Женина комната, или, правильнее будет сказать, комнатка, самая маленькая в квартире, но это самое светлое и, как бы сказать, сильное место. Мы, коты, видим мир не так, как видит его человек. Любой кот всегда ищет светлую энергию, тянется к ней. Такая энергия исходит от людей добрых, способных к состраданию и любви. А от людей злых, жестоких,

мы держимся подальше. Их энергия тяжёлая, тёмная, рядом с такой сложно находиться. Женя всегда была и будет светлой, доброй; и её маленькая комнатка стала островком света среди темноты. Я редко выходил в коридор, ведь там царила совсем другая атмосфера.

Вот скажи мне, если, конечно, знаешь – кто определяет, какими и где родиться на свет? Почему кому-то суждено жить в любви, кому-то в роскоши, а другие проходят через ад на земле? Не знаешь? Вот и я не могу ответить, почему Жене, моей доброй и светлой хозяйке, досталась такая нелёгкая судьба.

В том доме, где мы жили, не правили согласие и любовь. Кроме Жени, мне предстояло познакомиться с её мамой, бабушкой и дедом. При первой встрече они, в общем-то, понравились мне, даже несмотря на то, что хотели выставить меня на улицу. В конце концов, я был всего лишь грязным котёнком, которого никто не ждал. Но, узнавая эту семью ближе, всё больше поражался, как среди всего этого кошмара, Женя сохранила доброту в своём сердце.

Женина мама была наркоманкой. И это, как язва, как термит, разъедало жизнь всей семьи. По вечерам Женя рассказывала мне, как любит свою маму, любит несмотря ни на что; искала для неё оправдания... а я гулял по квартире и видел страшные вещи, сидел на коленях у Жени и слышал жуткие истории. Она рассказывала их без грусти; рассказывала так, словно к этому можно привыкнуть.

Однажды, я услышал, как бабушка кричит с балкона и пошёл посмотреть, в чём дело. Забрался на перила и увидел, как Женя стоит во дворе. Ей тогда было лет десять. Бабушка кричала: «Детка, иди скорее домой!». Но Женя не уходила, она ответила: «Бабуля, мама сказала ждать здесь, мне нельзя уходить!». Бабушка звала, звала, потом начала злиться, кричать, но маленькая упорная девочка стояла на месте. Тогда во двор вышел дедушка и силой отвёл Женю домой. А Женя плакала, ведь мама обещала вернуться... Мама вернулась через два дня. Она ходила за очередной дозой, нашла то, что искала, и просто забыла про дочку. Забыла на два дня.

Но это, пожалуй, было не так плохо. Часто она брала Женю с собой. Ведь женщина с ребёнком не вызывает подозрений. А можно ещё взять с собой коляску, положить туда украденные вещи; и проходя мимо милиционеров говорить: «Доча, тише, а то сестрёнку разбудишь».

Я иногда гулял по квартире, залезал под дверь в ванную комнату и видел Женину маму. Она перетягивала вены жгутом, а рядом лежал шприц. На стене висела пластмассовая ванночка, в которой купали маленькую Женю; а на полочке, рядом с обгоревшей ложкой, лежали детские резиночки для волос. В такие моменты я обычно получал пинок и вылетал в коридор, видимо, чтобы не мешать. Слышал, как из кухни кричал дед: «Опять засела там, сука, дрянь такая!», опрокидывал рюмку и уходил по своим делам. А в маленькой комнатке Женя играла с платочком.

Она очень дорожила им, и однажды рассказала, как получила его. Женя ходила в поликлинику с одним из маминых знакомых. Их было много, они часто менялись, но все любили девочку. Внутри, как и всегда, было много детей. Но в тот раз они толпились в одном месте. Жене стало интересно, и она пошла посмотреть. В поликлинике продавали платочки, такие красивые, мягкие. Наверное, мягкие; Женя не могла дотянуться, чтобы потрогать – столько было народа. Взрослые подходили с детишками, спрашивали их: «Такой? Или вот этот?», покупали платочки и дарили своим малышам. А Женя просто смотрела, она знала, хоть и была маленькой – у наркоманов всегда нет денег, тем более покупать подарки. Но тут подошёл мамин друг, подмигнул и сказал: «Пойдём!», подвёл к лотку с платочками. Он взял платочек за край и быстро дёрнул на себя. Через минуту они убежали из поликлиники, держа в руках украденный подарок. А Женя была так счастлива, ведь у неё, как у других детишек, тоже был платочек.

Дети ведь не мыслят так, как взрослые. У них иное восприятие мира, иные ценности, интересы. И это хорошо. Плохо лишь то, что взрослея, человек склонен забыть, каким был в детстве. Отсюда и возникают непонимание, злость, конфликты. А я верю, что моя Женя, впитав столько зла и оставшись доброй, не забудет маленькую себя. И всегда будет понимать своих детей.

Женя живёт как будто вопреки, она не стала такой, ка-

кой должна была стать, она намного лучше. Я точно знаю. Ведь прошёл рядом весь долгий путь. Мама забывала кормить Женю, бросала на несколько дней, но в моей миске всегда была еда, пусть даже маленький кусочек. И чем меньше он был, тем большую цену имел.

Любовь нужна всем на свете. Она помогает жить, делает лучше, не даёт сбиться с пути. Но как идти верной дорогой, когда ты один? Женя рассказывала, как бежала на кухню с тетрадкой, чтобы мама проверила домашнее задание, открывала дверь, а там... А там дед кричал на маму, не давая снова уйти из дома. Потому что только что вытащил её из отделения, где она просидела двое суток, пойманная на улице с наркотиками. Женя смотрела, ждала, потом уходила. А на следующий день дед кричал на Женю за то, что в дневнике двойка.

Это ведь несложно – накричать, унижить, заставить чувствовать себя ничтожеством. А я так благодарен судьбе за то, что у нас была наша комнатка – мы просто могли сидеть там; где Женя своей тёплой рукой, мокрой от слёз, гладила меня и шептала: «Ричи, мой хороший, только ты меня понимаешь...»; где я мурчал изо всех сил, ведь мы были так дороги друг другу.

И так было год за годом. Крики, ругань, чужие лица, пьяные тела, лежащие на полу. Милиция приходит с обыском, а Женя прячет среди игрушек что-то, чтобы маму не посадили в тюрьму. А вечером вы вдвоём. Женя пьёт чай, говорит,

а я слушаю...

Она рассказывала, что часто видит один и тот же сон – как плывёт в озере, а вокруг, в каждой складке воды, мёртвая рыба. Вдалеке, на берегу, стоит мама. Женя плывёт к ней, но никак не может доплыть. Чем ближе берег, тем дальше становится силуэт. Женя выбирается на сушу, а мама всё дальше и дальше... Девочка кричит, но никто её не слышит. Этот сон повторялся день за днём – вода, берег; и мама, которая всё дальше и дальше.

Но, несмотря ни на что, мы сохранили свет, пусть еле заметный; пусть порой было страшно, что он вот-вот погаснет. Почти все, кто приходил, мелькал в нашей жизни, исчезли. И сегодня Женя мало что помнит о своём детстве. Потому что память может прятать плохие воспоминания очень глубоко. Она бережет нас. Но, сохранив себя, мы открываем новые двери – к свету, к счастью. К тому, что будет совсем не похоже на прежнюю жизнь. И если кто-то спросит меня, кто же самый сильный человек в мире, я отвечу – это маленькая девочка Женя, сумевшая вопреки всему сохранить в сердце свет.

Поэтому сегодня я особенно рад. Моя Женя уже, конечно, совсем не маленькая, а взрослая, красивая девушка, выходит замуж. Она ещё спит, но скоро проснётся и пойдёт навстречу новой жизни. И я точно знаю, что это будет дорога к свету. А пока рассвет не наступил, я ещё немного полежу калачиком у неё в ногах, напевая кошачью песню.

Тридцать два зуба

За кулисами темно. Я стою у выхода на сцену так, что из зала меня невозможно заметить. Там сегодня собралось тысяч десять, не меньше. Я вижу толпу – на лица, фигуры падает только свет горящего на сцене экрана. На нём написано моё имя. Люди там, в темноте, ждут меня. Ждут, когда я выйду из тени, чтобы заставить стены задрожать от восторженного рёва. И вот играет бит, я слышу музыку, ещё такт и сделаю шаг вперёд. Зажигаются прожекторы, в моей руке микрофон: «Йо, йо, йоу!!! Привет, братья и сёстры!!!». А дальше зал издаёт такой рёв, что мне приходится сделать шаг назад, чтобы не упасть. В конце первой песни, подойдя к краю сцены, я вижу девочек в первом ряду, по их щекам текут слёзы. Вокруг столько энергии, что, кажется, прямо тут, в зале, вот-вот начнётся гроза. А потом я вижу Его. Он стоит среди зрителей. Улыбается. Я тоже улыбаюсь, я ждал, что он придёт; достаю пистолет из-за пояса, зал вне себя от восторга! Потом целюсь и нажимаю курок...

I

Семнадцать лет назад я пришёл в столовую. В этой школе кормят лучше, чем в пяти прошлых. К тринадцати годам это уже шестая моя школа. Наш город маленький и, если не получится здесь, то больше идти некуда. Больше школ здесь нет. Вернее есть ещё одна, но для богатых детей, а у меня

нет денег даже на обед. Я прихожу в столовую на четвёртой перемене, когда все уже поели. Здесь всегда остаётся лишнее, и поварахи кормят меня просто так. Им жалко меня – я маленький, худой, в свои тринадцать выгляжу лет на десять; всегда в одной и той же одежде.

В тот день поварахи налили мне тарелку супа, я нёс её к столу, когда получил сзади пинок; разлил суп на себя и ударился рёбрами об угол стола. Я оглянулся, хотя можно было этого и не делать. И так понятно – это были десятиклассники. Стадо ублюдков. Как ты думаешь, почему к тринадцати годам я учусь в шестой школе? Потому что спустя три минуты лежал на полу в крови, а двое десятиклассников держались за сломанные носы? Нет, не по этому. У меня особенная память. Взрослые говорят – я неусидчив, называют идиотом, умственно отсталым. Мне не удаётся удержать в голове все ваши цифры, формулы, таблицы, диаграммы и прочую хрень. Обычно двоечники получают «пять» хотя бы по физкультуре, но у меня слабое здоровье. Поэтому я никогда не получал оценки выше «тройки». Зато в моей памяти сотни мелодий, сотни стихов. Я не умею играть на инструментах, вернее, никогда не играл, но музыка растекается внутри меня, словно дельфины скользят по венам – величественно и красиво. Все мои мечты, все строки, вся радость и боль – всё там – в моей голове.

А что снаружи? Грязь неубранных улиц, гниль тающего снега, загаженные школьные туалеты, где курят, пьют и ню-

хают клей. Ежедневные драки на переменах, холод, сырость, мрак. Добро пожаловать в мой мир! Дома... Дома нет даже дверного замка, потому что там постоянно ходят какие-то люди. Как в школьном туалете – курят, пьют, нюхают. Среди всего этого я впервые пытался мечтать.

Скоро мне будет тридцать лет. Ты знаешь меня. Да, все знают меня. Меня зовут Райдо. Мой последний альбом скачали три миллиона раз. Все знают моё имя, но никто из вас не видел моего лица.

Я мог бы подъехать к твоему дому на мерседесе или ауди, подмигнуть твоей девчонке, и она прыгнула бы в мой автомобиль, даже не попрощавшись с тобой. Я мог бы отвезти её в свой пентхаус и делать с ней всё, что захочу. И сколько захочу. Но этого не будет. Потому что у меня нет мерседеса, ауди и пентхауса. У меня есть только четыре стены, кровать, стол, компьютер, микрофон, стул и покрашенное изнутри окно. Последний раз я выходил из дома пять лет назад.

Жизнь выплюнула меня на улицу в пятнадцать лет. Директор последней школы сказал, что никогда не видел таких дибиллов, как я. Больше учиться мне было негде. Дома... дом появился у меня лишь теперь, а раньше была комната, куда я мог придти поспать. Но называть ту дыру домом? О, нет, это была бы слишком гнусная ложь.

После школы я работал почтальоном, клеил объявления, раздавал листовки, был официантом и... Был везде, куда могут взять такого, как я. Везде таскался с блокнотом – мне

нужно было записать, во сколько придти на работу, на каком автобусе ехать, номер столика, который обслуживаю сегодня. Потому что всё это не держалось в моей голове. Там была музыка.

Я стоял на перекрёстке с кучей листовок, смотрел на проходящих людей, на их вечно недовольные собачьи рожи. Видел учителей, они, заметив меня, предпочитали переходить на другую сторону улицы. В ресторане приносил кофе ублюдку, плевавшему в мой чай в школьной столовой. Ублюдок ухмылялся, его подружка с презрением отворачивалась от меня. А я знал только одно – все они – всего лишь грязь на моих ботинках. Потому что в своей голове каждую минуту слышал самую прекрасную музыку на свете.

Так продолжалось долго. Мучительно долго. Я работал с девяти до девяти, а потом бежал в свою съёмную комнату, чтобы не видеть эти ненавистные рожи; засыпал и видел сны. Мне не хотелось просыпаться утром – то, что я видел там, было ярким и красивым, а мир вокруг – серым и уродливым. Я купил второй блокнот, в нём записывал стихи, образы из моих снов; позже купил третий, четвёртый. Они лежали у моей подушки, я засыпал и просыпался с одним и тем же в глазах – я должен, должен записать ту музыку, что играет в моей голове. Хочу прикоснуться к ней, ощутить её в своих наушниках. Я должен! Это всё, что мне нужно. Я не знал нот. И сейчас не знаю. Спросишь, как же тогда мне удаётся писать музыку? Я расскажу. Расскажу тебе о Райдо, которого

создал и который стал мной.

Иногда я не ел по два, по три дня подряд. Не потому, что у меня не было денег, а потому что мне нужно было накопить их. Чтобы купить синтезатор, микрофон, наушники. Я отдал всё, что у меня было, чтобы записать эти песни. Друзья? Знаешь, что такое «белая ворона»? «Белая ворона» – это я. У меня нет друзей, в школе меня презирали, плевали в лицо, на работе надо мной смеялись. Я ведь до сих пор выгляжу как двадцатилетний, хотя мне скоро тридцать. Мой голос – как у подростка. Сейчас этот голос хотят слышать тысячи, сейчас мой дом был бы набит людьми, открой я дверь. А тогда... Я был один. И сейчас один. Всегда один.

В тот счастливый день я купил оборудование и нёс его домой. Мои худые руки быстро устали, денег на автобус не осталось. Только к ночи, пройдя полгорода пешком, я вернулся домой. Счастливый. Впервые счастливый. Скоро я смогу слышать музыку в своих наушниках. Но всё оказалось не так просто.

Я смотрел на клавиши, нажимал на них, включал бит. Но это было не то. Не та музыка, что играла в моей голове. Я пробовал снова. А потом ещё. И ещё. И ещё... Скоро совсем перестал ходить на работу, у меня был небольшой заработок, его хватало, чтобы иногда поесть. Я закрылся в своей комнате, замазал краской окно. И следующие пять лет не выходил из дома.

Слышал про агорафобию? Боязнь открытого простран-

ства. Это – не моя история. Я перестал выходить из дома, потому что не мог видеть окружающий мир. Мне нужно было купить еду или коньяк, я открывал дверь и меня тошнило. Тошнило от смрада, доносившегося снаружи. Еду мне теперь приносили домой. Я остался внутри, чтобы писать музыку. Случись ядерный взрыв, мне стало бы известно об этом в последнюю очередь.

А музыка... Музыка не давалась легко. Она текла по венам, как стая дельфинов, но на поверхность всплывали лишь водоросли. Я не мог воплотить в жизнь то, что было в голове. Это мучительная боль не давала спать, не давала забыться. Каждое утро, каждый день, каждую ночь я кричал, молился всем известным богам. Просил помочь. Отчаянно, упрямо просил.

И вот однажды ночью я сидел и смотрел. Просто сидел на месте, потому что у меня не было ни сил, ни причин двигаться. Я заметил маленький белый огонёк. Он мерцал в углу моей комнаты, такой чистый и красивый. А я просто смотрел, любовался им. Огонёк становился всё больше и больше, постепенно обретая форму. Он становился силуэтом, который медленно приближался ко мне. Я видел лицо, это было моё лицо. Мы смотрели друг на друга, а потом мои лёгкие словно вдохнули силуэт внутрь. Минута боли, я не мог дышать, а потом отключился.

А наутро понял – это был Райдо. Он пришёл. Я звал, а он услышал. В то утро мои пальцы выбивали такие ноты! Это

была музыка, та музыка, которую я так долго ждал. В мире в то утро не существовало ничего, кроме музыки и моих слёз. Слёз счастья.

Райдо сделал меня тем, кто я есть. Теперь музыка звучала не только внутри меня, её смогли услышать все. Райдо пришёл. Я назвал себя его именем. С каждой новой минутой, с каждым словом, с каждой нотой Райдо становилось всё больше. И мне это нравится. Так должно быть.

Я выкладывал музыку в сеть. Прошло несколько лет, моих фанатов становилось всё больше. Сначала десятки, потом сотни, тысячи. Сегодня их миллионы. Думаешь, это сложно? Стать музыкантом, у которого миллион поклонников? Да, сложно. Но я был рождён для этого. Каждую минуту, каждое мгновенье просил об этом. Заслужил это. Своей болью, своим криком среди ночи. Я просто пишу песню и выкладываю в сеть. Потом выключаю компьютер. Раньше просто лежал, теперь понемногу хожу гулять. Ненадолго, недалеко от дома. Я погуляю, вернусь домой, включу компьютер снова, но лишь для того, чтобы написать ещё одну песню. Что такое успех? Знать, что создал шедевр? Или осознание того, что его оценили? Успех был со мной всегда, даже тогда, когда в школе меня избивали старшеклассники. Просто сейчас мир наконец понял, кто я. Я победил. Пусть моё окно до сих пор закрашено, мне известно, что там, снаружи – мир, который рукоплещет мне.

II

Я не боюсь мира. С недавнего времени смело хожу по улицам, даже говорю с людьми. Ведь я – Райдо, от меня прежнего ничего не осталось. Знаю, вон там, за углом, меня ждёт человек. Я куплю у него порошок. Мне всегда со скидкой. А потом пойду домой, там будут девчонки. Мы врубим музыку погромче, и, может быть, где-нибудь ближе к утру, сможем уснуть. Они теперь пишут мне. Пишут часто, много. Я приглашаю их домой и... Подробности ты слышал в моих песнях. Вот только не надо мне завидовать, это жизнь не для всех. Они тоже уходят, потом приходят другие. И так без конца. Это мой мир.

Мне не нужно обманывать, говоря о честности и любви. Они знали, зачем идут сюда. А я знаю, что таких будут сотни. Но иногда мне нужно выгнать их всех, закрыть дверь, включить синтезатор и микрофон. Мир хочет новых песен. Я дам миру то, что ему нужно. Он ведь как наркоман – требует новую дозу. И с каждым разом всё более сильную. Чтобы так торкнуло – неделю волосы дыбом стояли. А когда трек готов, я включаю его на полную громкость и смотрю в зеркало; вокруг кружатся ноты, слова, они окутывают тело, наполняя силой. И душа, как берсерк, готова сокрушить весь мир. Но в отражении вижу всё те же глаза – мальчишки, который в приступе отчаяния ломает синтезатор. Я – Райдо, больше не тот мальчишка. И не хочу видеть его. Я выкручиваю ручку громкости до упора, улыбаюсь, сверкая белоснежными зубами.

ми, а потом разбиваю зеркало. Мне не нужна та улыбка, у меня есть новая. Во все тридцать два зуба.

Сегодня – мой первый концерт. Мне надоело сидеть дома. Я больше не боюсь. Когда артист впервые выходит на сцену – это почти всегда плохо. Зрители не знают его, он волнуется, путает аккорды и слова; короче, получается неважно. Но я – Райдо. Меня знают миллионы. Годами я слышал вопросы – когда твой концерт? Ну, когда же будет? Да мне трудно было из дома выйти, какие концерты?! Но теперь всё по-другому. Билеты в самый большой зал города раскупили на два часа. Десять тысяч билетов! Вот только петь, наверное, буду в очках. Ненавижу эти глаза, не хочу, чтобы их видели.

И вот я стою за кулисами и смотрю туда – в зал, где в людском море плывёт энергия. Её нельзя не почувствовать, она готова взорвать здание. Вот прямо сейчас. Через минуту я выйду на сцену. Мимо пробегает администратор зала, на ходу бросая: «Сними очки, Райдо, херня». Я подхожу к зеркалу, снимаю и... вижу те глаза, которые всегда хотел увидеть. Не жалкий взгляд мальчишки, а глаза Райдо. Сильный, уверенный, полный энергии взгляд. Я всё делаю правильно, поэтому и должен быть здесь.

И вот играет бит, я слышу музыку, ещё такт и сделаю шаг вперёд. В конце первой песни, подойдя к краю сцены, вижу девочек в первом ряду, по их щекам текут слёзы. А потом вижу Его. Он стоит среди зрителей. Улыбается. Я тоже улыб-

нужь, я ждал, что он придёт. Достаяю пистолет из-за пояса, зал вне себя от восторга! Потом целюсь и нажимаю курок. Не надо было тебе сюда приходить – я только начал жить без этих глаз, этих грёбанных заплаканных мальчишеских глаз. Только стёр их со своего отражения. А ты явился опять! Нет уж, хватит. Грохочет выстрел, он падает – победа! Зрители ревут; те, что стояли рядом с ним замерли, они ещё не поняли, что всё по-настоящему. Я победно вскидываю руки. Кажется, в толпе сверкают молнии. Но он опять тут – теперь слева. Я снова целюсь и стреляю. Он падает. А потом появляется справа. Снова выстрел, за ним ещё один. Он лежит, я здесь, на сцене. Зал молчит. У меня было девять патронов и все попали в цель.

А потом среди звонкой тишины, словно ниоткуда, плывут ноты. Я беру микрофон и начинаю петь. И весь огромный зал вновь поёт со мной. Что будет дальше? Я буду шутить, улыбаться. В тридцать два зуба. Всё так, как надо, ****ь!

Черный

Когда закончишь читать этот рассказ, если, конечно, сможешь, выйди на улицу и оглянись вокруг. Набери полную грудь воздуха и медленно выдохни. Повтори несколько раз. Почувствуй головокружение. Запомни это чувство. Отныне оно будет с тобой всякий раз, когда память неожиданно вернёт мой образ в твоё сознание.

Скажи, каким ты видишь мир? Чёрным? Белым? Чёр-

но-белым? Цветным? Скажи мне и я отвечу, что мне наплевать. Я отвечу, что в нём есть радость, в этом твоём мире. Но ты вряд ли это поймешь и узнаешь. Потому что тот миг, когда все станет ясно, станет для тебя последним.

Когда ты идёшь по улице, смотришь на лица людей, листаешь страницы в своём телефоне или закрываешь глаза, желая уснуть, я вижу совсем иное. Ты привык видеть и знать то, что тебе дано видеть и знать. И ты так любишь своё уютное пространство, где можно купить новую пару обуви или проездной билет, можно включить музыку, сделать красивую причёску или влюбиться. Ну, или хотя бы пустить себе в лоб пулю.

Посмотри в зеркало, задумайся о себе. Что ты видишь? Что ты знаешь о человеке в отражении? Ты видишь цвет глаз, тебе известно имя; быть может, прошлое или даже настоящее. Ты видишь одежду, знаешь номер телефона, набор цифр для банковской карты. Ты знаешь адрес, знаешь имя. И много-много разной ненужной шелухи. Но ты не увидишь и не узнаешь главного, того, что по-настоящему делает тебя частью Вселенной – ты не увидишь *цвет*. И не услышишь *звук*.

Вспомни, рано утром тебя поднимает на ноги мелодия электронного устройства, ты открываешь кран, и по трубам сама собой бежит вода. Стоит всего лишь нажать кнопку и на столе появляется манящий ароматный кофе. Потом ты садишься в машину или автобус и едешь по своим делам, чаще

всего не думая о том, что происходит рядом. Но иногда, под настроение, ты радуешься. Радуешься, как посчастливилось жить в эту эпоху, время прогресса, когда всё вокруг помогает человеку жить. И тебе бывает жаль людей прошлого, иногда ты даже насмехаешься над ними, представляя средневековый караван в пустыне. Ведь ты можешь облететь мир за считанные часы, ты – король земного шара. Всё вокруг – для тебя. Вернее, почти всё. Кроме меня. А если быть совсем точным – то ничего. Для тебя здесь нет почти ничего. Есть только я.

У меня нет имени; и всё, что тебе нужно знать, уместается в одно слово – убийца. Я убийца.

Просто осознай, что весь твой приторный мир рухнет в одну секунду. И попробуй жить дальше. Строй планы, копи деньги, купи себе новый шкаф. А пока листаешь каталог, я расскажу кое-что ещё:

Ты когда-нибудь включал противотуманные фары на своём автомобиле? Вспомни. Ты едешь по трассе, а вокруг белая пелена. И всё, что можно увидеть вокруг, уместается в пространство нескольких метров. А теперь осознай, что весь твой мир – это трасса, на которой ты попал в туман. Попал так давно, что считаешь эту иллюзию настоящим. Ты обжился в ней, назвал её своим домом, привык к её ограниченности. Весь прогресс, весь путь истории человека – это путь в туман, путь ограничения видимости, ослабления чувств; дорога в тупик. Ты не превышал скорости, пристегнул ремень.

Чтобы не заблудиться, включил навигатор, но всё равно приехал в тупик, потому что никто не поставил знак у поворота.

Представь, что ты видишь и знаешь только малую часть того, что *на самом деле* существует и происходит в мире.

Если бы ты смог, если бы захотел, ты увидел бы настоящую Вселенную. В красках, в звуках, вибрационных энергетических потоках. В осознании бесконечности, в четырёх-, пяти-, тысячи-мерных пространствах. Увидел бы, что человечество сотни лет подряд теряло по крупицам, поколение за поколением сворачивая в туман. Один за другим. Стадо. Но ты не сможешь, не захочешь. И не узнаешь. Потому что ты *черный*.

Я говорю не о цвете кожи, нет, он не имеет значения. Я говорю о цвете твоей энергии.

Вспомни, как ты смотришь на себя в зеркало. Посмотри ещё раз, внимательно. И запомни – всё, что ты в нём видишь – обман. Иллюзия. Оболочка. Это нужно лишь для того, чтобы твоё слабое, неподготовленное сознание не сломалось, не вырвалось с воплем наружу. Потому что на самом деле ты – это энергетический поток.

Забудь, что говорили раньше; выкинь ложь, которой набит твой бедный мозг. Я расскажу то, чего нельзя увидеть даже в стекло микроскопа.

Всё, что существует вокруг, состоит из мельчайших частиц. Они есть везде. Твоё тело состоит из них, деревья вокруг, планета, солнце; всё состоит из них. Эти частицы

неуловимы, но они есть всё. И каждая такая частица вибрирует, создавая энергетические потоки. Мир вокруг тебя – непрекращающийся поток энергии.

Энергия появляется, движется, отражается, принимает форму, умирает, появляется снова. И так без конца. Я вижу не твоё лицо, не твою одежду, не количество твоих денег, я вижу тебя как энергию. Есть люди светлые, сияющие, *белые* – это чистая энергия, сила созидания. Из неё, благодаря ей, Вселенные рождаются снова и снова. Есть люди *бесцветные*, почти невидимые. Они как зеркало. Если энергия есть рядом с ними, они не впитают её, но и не разрушат. Они отразят её и Вселенная будет дышать дальше. А есть такие как ты – *чёрные*, холодные, ошибка Вселенной, тупиковая ветка. Я не знаю, как они появились и зачем. Но *чёрные* пожирают энергию, засасывают, уничтожают, обращая в ничто, в пустоту. И чем больше *чёрных*, тем тяжелее Вселенной дышать.

И есть я. Я убиваю *чёрных*. Разрушаю эти чудовищные энергетические воронки. Я как искусственное дыхание Вселенной. Как маска на лицо, когда воздух вокруг загрязнён.

И вот когда я узнаю тебя, выберу среди прочих, можешь считать, что ты как проблема больше не опасен. Наверное, думаешь, что тебя это не касается. О, нет, ещё как касается. Или же ты сейчас думаешь, что не такой, не *чёрный*. Думаешь – ведь я примерный семьянин, не бросаю окурки где попало, не хамлю в очередях и подаю милостыню. Но мне всё равно. *Чёрный* не обязательно должен быть плохим в твоём

понимании мира. Это просто человек, такой же, как и все. Единственное, что может выдать *чёрного* для тебя – это едва уловимое чувство холода рядом с ним. Знаешь, бывают такие люди, от которых становится не по себе, страшненько. И ты даже не знаешь почему, думаешь, что просто кажется. Нет. Не кажется. Потому что это и есть ты. Потому, что *чёрный* пожирает всё, что существует рядом с ним.

Хочешь знать, как я убью тебя? Это довольно просто. Я приду в твой дом, ты откроешь мне дверь, и я выстрелю. Два или три раза. Может быть больше. Может быть, выпущу весь магазин в твоё валяющееся на полу тело.

Знаешь, мир устроен так, что войти в твою дверь абсолютно несложно. Я был в разных домах. Где-то просто тяну ручку и вхожу. А в другой раз твои стены охраняют. Такие карикатурные церберы – охранники, консьержи, сторожи. Мне кажется, это самые нелепые люди в мире. Я прохожу мимо любого из них. Хочешь знать как? Доставка. Я прихожу с коробкой, такой небольшой картонной коробкой. Там ничего нет. И не нужно. И знаешь, на цербера это действует безотказно. Я думаю, что смог бы пройти даже в ядерный реактор с кнопками, способными превратить планету в космическую пыль. И вот, произнеся заветное слово, я поднимаюсь по ступеням. Или еду на лифте, так тоже бывает. Что я чувствую в этот момент? Ничего особенного. Убить тебя для меня так же естественно как дышать; так же просто, как садовнику срезать мёртвую ветку с дерева. У меня нет нена-

висти к тебе, но нет и жалости. Мне нужно только одно – я хочу, чтобы Вселенная дышала.

И она будет дышать, будет наблюдать капли твоей крови, медленно стекающие по стене. Когда стреляешь с близкого расстояния, пуля почти всегда проходит навывлет. И позади места, где ты стоял в последний раз, на стену летят капли крови, выброшенные из тела чудовищным давлением. Я бросаю на пол пустую коробку и ухожу.

Спускаясь по ступеням, я чувствую, что дышать стало чуть-чуть легче.

Вне игры

Пролог

– Друзья, это решающий момент матча! 119-я минута, игрок в красной форме лежит в штрафной соперника, и судья показывает на «точку». Пенальти! Футболисты, конечно, потолкаются, но рефери не изменит своего решения. Ну, всё, кажется, на поле снова порядок. Мяч установлен на одиннадцатиметровой отметке. Бить, конечно, будет Мстислав Тапиров! Друзья, у меня дрожит голос. Наш футболист, гордость нашей страны, может принести прямо сейчас клубу «Кармин» десятую победу в Кубке Чемпионов! Отыграть соперник просто не успеет. Мстислав смотрит на мяч, разбегаются, поднимает глаза на ворота... Друзья, что происходит?... Куда он бежит? Вы видите то же, что и я?... Тапиров

пробежал мимо мяча, за ворота! Да что он делает?!?...

Шесть месяцев спустя

–Здравствуйте, Мстислав... О, господи! Что с вами случилось? Вы весь в синяках...

–Да так... Сокамерники за другую команду болеют.

–Сочувствую. А вы обращались...

–Не надо. Спрашивай свои вопросы – у нас не так много времени.

Комната два на три метра. Сыро. Лампочка под потолком. Зарешеченные окна. Стол и две табуретки. На одной сидит журналист, на другой – я. Меня зовут Мстислав Тапиров, бывший нападающий клуба «Кармин», лучшей футбольной команды столетия. Полгода назад футболки с моей фамилией и номер «9» на спине были самым раскупаемым товаром. А сегодня я осуждённый. Меня приговорили к шести годам тюрьмы; поэтому сейчас на моих запястьях наручники, а на теле нет живого места. Моими соседями по камере оказались ребята, ненавидевшие «Кармин». В этой стране все больны футболом. Это будет первое моё интервью после ареста. Процесс и суд надо мной вызвали бурные обсуждения, начальник тюрьмы рано или поздно должен был пустить ко мне прессу.

Я смотрю на журналиста – молодой паренёк, по лицу видно – пытается отрастить бороду. Он взволнован, копошится

в своих бумагах, только с третьей попытки смог включить диктофон. Оно и понятно – через несколько часов он пригласится в свою редакцию с сенсационным материалом. Врать ему я не буду. В этом нет никакого смысла.

–Эмм... Мстислав, расскажите, пожалуйста, о финальном матче. Всех интересует – что там случилось?

–Как тебя зовут?

–Александр.

–Саша, давай сделаем так – я расскажу тебе всё. Только не перебивай. Просто сиди и слушай. Включил диктофон?

–Да.

Александр притих. Я, в общем, привык к тому, что люди слушают меня. У человека известного всё время случаются какие-то встречи – интервью, съёмки на телевидении, общение с поклонниками и т.п. Часто мне приходится слышать нелепые вопросы. Но стоит открыть рот и люди вокруг ловят каждое моё слово. Как откровение. Хотя, зачастую я несу такую чушь. Но, это, наверное, просто одна из сторон известности – в ресторане стейк сделают побыстрее, в поликлинике без очереди пропустят, на дороге полиция узнает в лицо и отпустит, не выписав штраф. И сейчас я вижу, как журналист ловит каждое моё слово. Раз обещал рассказать ему всё, то, пожалуй, пора начать.

-Я начну издалека. Чтобы у тебя не было вопросов. Всё, что произошло в финале... это... следствие... Следствие событий, которые были в моей жизни. Не поняв их, ты не поймёшь, что произошло тогда, в решающем матче. Так что слушай.

Как все знают, я – первый футболист из нашей страны, ставший лучшим игроком мира; первый, кто заиграл в сильнейшем клубе планеты – «Кармине». Моё лицо – одно из самых узнаваемых. Мне двадцать семь лет – возраст расцвета для спортсмена. В прошлом сезоне я забил ровно половину всех голов моей команды. Круто, да? Учитывая, что четыре года назад тренер моей бывшей команды перестал брать меня на матчи даже запасным.

Должен признаться, в то время я был близок к отчаянию. Годы тренировок, соблюдения режимов, дом-база-дом, а моя команда – аутсайдер первой лиги. Клуб хотел отдать меня в аренду во второй дивизион. Тренер говорил, мол, что за нападающий, который за сезон забивает три мяча? В общем, у меня были даже мысли завязать с футболом.

В тот год за пять туров до конца чемпионата команда поехала на выезд. В такую, что называется, типичную глубинку. Поле было ужасным, холод, на трибунах человек сто от силы. Я вышел на поле за двадцать минут до конца встречи и не забил в двух моментах, когда просто обязан был забивать. Мы проиграли, тренер был в ярости. Сказал, что по оконча-

нии сезона я могу валить на все четыре стороны. Он мужик временами резкий, но мне было не на что обижаться – игра у меня и правда не шла.

А после матча команда два дня не могла уехать из города. Это сейчас, в «Кармине», мы летаем на собственном самолёте. А тогда ездили на поездах, автобусах; вместе с обычными пассажирами. Короче, два дня мы торчали в гостинице. После игры мне было сложно общаться с партнёрами по команде, я чувствовал вину за то, что подвёл их; и целыми днями бродил по городу один. Думал, размышлял. Смотреть там было не на что, но я наткнулся на одно интересное место – это был то ли храм, то ли монастырь. В общем, что-то такое... Там собирались шаманисты. В больших городах об этом явлении знают мало, но в глубинке шаманы живут и сейчас.

В храме я попал на службу, у них это называется камлание. Это ритуал, когда шаман общается с духами, погружаясь в транс при помощи жутковатых танцев и музыки. Перед началом камлания шаман заметил меня и подошёл поговорить. Наверное, потому, что новое лицо здесь – редкость. Спросил, кто я и зачем пришёл. Мне было так одиноко тогда, что я просто взял и рассказал ему всё – о футболе, о неудачах, об отчаянии, в котором был тогда. Это как поговорить с попутчиком в поезде – излил душу, а потом вышел на следующей остановке. И забыл обо всём. Я думал, что так будет и на этот раз. Шаман спросил – чего я хочу? Я ответил,

что хочу стать лучшим футболистом в мире. Он сказал – всё имеет свою цену. А что могу за это отдать я? Да, всё, что угодно – мне так хотелось, чтобы моя мечта сбылась. Шаман спросил – готов ли я отдать самое дорогое, что есть или будет у меня взамен на желание? Конечно – мне казалось шуткой всё, что происходило тогда. Ну, правда – странный мужик с бубном в какой-то дыре, словно дьявол, предлагает сделку. Смешно! В общем, я сказал ему – ты только нашамань мне умение голы забивать и бери всё, что хочешь! Он ответил – я буду говорить с духами, а ты уходи. Когда придёт время, я возьму то, что будет нужно мне. Должен сказать, в этот момент стало страшновато. Но я посмотрел в узкие азиатские глаза шамана и ушёл, как он сказал.

-Слушай, Александр, выключи диктофон.

–А!.. Что?..– журналист, мне показалось, задремал.

–Я говорю – воды хочу попить. Стукни в дверь, охрана услышит.

Журналист стучит, через минуту в моей руке появляется металлическая кружка с водой. Привкус воды здесь ужасный – какая-то гниль. Тут, в тюрьме, всё такое. Пить мне тяжело, как и разговаривать – после вчерашнего избияния болит лицо. Меня перевели в новую камеру, где соседи моментально узнали, кто я. Как оказалось, за «Кармин» они не болеют. Футбол – это ведь давно уже не спорт, это шоу, это религия.

На мою страницу в интернете подписано немногих меньше людей, чем на страницу Папы Римского.

– Ну, что, Мстислав, готовы продолжить? Охранник сказал, у нас час остался.

– Да, включай диктофон.

После разговора с шаманом в моей жизни стали происходить невероятные вещи. После той, неудачной игры тренер перевёл меня в дублирующий состав, доигрывать сезон. Но в четырёх последних матчах я забил десять мячей. Два хет-трика и два дубля! Все были в шоке, как, собственно, и я сам. Со мной продлили контракт; в следующем сезоне наша команда, обычно борющаяся за выживание, заняла второе место и поднялась в высшую лигу. Небывалый успех для клуба! А я стал лучшим бомбардиром, забив двадцать три мяча за тридцать туров. Моя трансферная стоимость выросла в сорок раз! В офис клуба звонили из больших команд, предлагали крупные суммы за мой переход. Про меня писали газеты, тренер персонально выбил мне новую машину. Я был счастлив. Вот, наконец-то! Мои старания стали приносить успех. Думал ли я тогда о том шамане? Нет, конечно. Ну, может вспоминал пару раз, так, с усмешкой.

Следующие два сезона я провёл уже в столичной команде, где стал главной звездой. Соперников мы выносили с крупной разницей в счёте, в справедливости нашего чемпионства

не было сомнений. Я снова стал лучшим бомбардиром и дважды подряд получал титул «игрок года».

А потом случилось невероятное – в клуб позвонил главный тренер команды «Кармин». Лично! Сказал, что хочет заполучить меня за любые деньги. Я прыгал от счастья! Лучший клуб мира предлагает мне контракт! Это казалось сном. Но спустя две недели я вышел на тренировку в красной футболке клуба «Кармин».

Ну, дальше ты знаешь – победы, победы и ещё раз победы. Я купил отдельный шкаф для наград, а потом ещё один, их было так много! Футболки с моей фамилией приносили теперь такой доход, что только на эти деньги можно было бы купить целиком мою первую команду. Вместе с раздолбаным клубным автобусом. Я женился, на свадьбу приехали все футбольные звёзды, чтобы поздравить меня, пожать руку и похлопать по плечу. Вскоре у нас родился сын. Всё было прекрасно. Иногда по ночам мне снился тот шаман из храма. Он смотрел на меня своими узкими щёлочками-глазами и молчал. Я просыпался с криком, но мир вокруг был реален, а шаман – всего лишь сном. Всё было отлично.

-Послушай, Александр, а как хоть статья-то будет называться?

-Не знаю пока. Наверное, что-то вроде «Исповедь звезды» или «Как меняется судьба». Редактор сам придумает.

-Понятно. А знаешь, что такое офсайд? Положение «вне

игры»?

–Ну, да... слышал.

–Саша, ты вообще, футбол-то смотрел?

–Ну....

–Положение «вне игры» – это когда ты оказался за линией защитников и не можешь принять мяч. Находишься на поле, но если тебе отдадут пас, игру останавливают. Вот так и назови статью – «положение «вне игры».

–Я скажу редактору.

Жизнь была прекрасна до весны прошлого года. Я забивал, команда выигрывала, мы с женой переехали в новый дом. Но однажды вечером, после тренировки, вернувшись домой... Мне до сих пор сложно говорить об этом... я обнаружил бездыханные тела жены и сына. Они просто лежали на кровати, как будто спали. Врачи так и не смогли установить причину их смерти. Просто в один миг их сердца перестали биться. Я не знаю, как это могло произойти. И никто не знает.

Мне сложно описать боль, которую испытал тогда. Да это и не нужно. Просто поверь – это было ужасно. Но футбол спас меня. Не могу даже представить, что было бы, если бы не он. Я переехал жить на клубную базу, возвращаться домой было слишком больно. Тренировался с утра и до вечера. Чтобы не думать ни о чём, кроме футбола. Проходили дни, недели, месяцы. Я справлялся. Все эти бессонные ночи

и кошмары сделали меня сильнее, закалили. Несмотря ни на что, я смог идти дальше.

И вот, как ты знаешь, в этом сезоне наша команда вышла в финал Кубка Чемпионов – самого престижного футбольного турнира. Мы могли выиграть трофей в десятый раз – больше, чем любой клуб мира. Матч складывался тяжело, мы пропустили в начале, но смогли отыграться в конце первого тайма. Счёт оставался ничейным, шли последние минуты дополнительного времени. Мы уже думали о серии пенальти, но соперник уронил нашего полузащитника в своей штрафной. «Кармин» получил право на одиннадцатиметровый. Я пошёл исполнять удар. Ты только представь – огромный стадион, финал, гул стоит такой, что уши закладывает. До конца матча минута. А я могу одним ударом принести победу своей команде. Конечно, момент был волнительный, но бить пенальти мне приходилось часто. И я знал, что в этот раз не промахнусь!

В ту минуту я вспомнил всё – мой первый клуб, где каждый год стояла только одна цель – не вылететь; вспомнил тренера, который сказал мне идти не все четыре стороны; вспомнил моих бедных жену и сына. А вот сейчас я ударю по мячу и подниму над головой Кубок Чемпионов. Назло всему!

Я установил мяч, сделал четыре шага назад. Сейчас судья даст сигнал. Слышу свисток. Разбегаюсь и смотрю в правый от себя угол – туда собираюсь ударить. И вижу там... За во-

ротами я увидел шамана, того самого шамана! Это был он, стоял там и смотрел на меня узкими щёлочками-глазами. В одно мгновение я понял – это всё из-за него! Это он, мразь, сказал тогда, что мне нужно отдать самое дорогое взамен на успех. Это он говорил в тот раз с духами, это он забрал мою семью! И вот ублюдок стоит прямо здесь, на этом стадионе! Смотрит мне в глаза!

Мой разум отказался служить мне в ту минуту. Работали только инстинкты. А они кричали – вот он, убей ублюдка, отомсти за всё! Я потерял контроль над собой. Не понимал, что на меня направлены все камеры стадиона, что матч транслируют в ста десяти странах мира. Я просто пробежал мимо мяча, туда, за ворота, где стоял шаман. Перепрыгнул через рекламный щит, подбежал и одним движением свернул ему шею.

-Мстислав, вы помните, что было дальше?

-Нет, дальше, как в тумане...

-Скажите, тот, кого вы убили – это был тот шаман?

-Нет... Мне сказали, что это был просто стюард, работник стадиона. Он просто был похож... Мне показалось... Я говорил следователю о шамане, он сказал, что в том городе нет и никогда не было шаманских храмов.... Я не знаю...

Если бы не наручники, я бы схватил сейчас голову руками. Что же я наделал? Мне нужно было просто ударить по

мячу... а я... Суд дал мне всего шесть лет за убийство в состоянии аффекта. Они приняли во внимание то, что совсем недавно я потерял семью. Могли бы посадить лет на двадцать.

–А что дальше? Вы хотите вернуться в футбол? Думаете, это возможно?

–Не знаю, Саша. Время покажет. Мне слишком тяжело сейчас думать об игре. Да и шесть лет ещё сидеть, не один раз обо всём передумаю.

Я слышу скрежет двери – это заходит охранник: Ну, всё, время!

–Последний вопрос, Мстислав – чтобы вы пожелали нашим читателям?

Я смотрю на журналиста, и мне хочется ударить его. Ну что я могу пожелать читателям? Не быть идиотами? Не убивать? Ну что за вопросы?..

–Напиши, Александр, что я желаю им оставаться в игре.

Охранник выводит меня в коридор, ведёт в камеру. Там ждут соседи, которые тоже в игре, или хотят быть в ней. А я... я теперь в офсайде и даже если мне дадут пас, судья свистнет и отдаст мяч сопернику.

Дельфины

Каждый год, в последний день осени, ты приходишь слушать, как поют дельфины. Часы отмеряют полночь, берег пустеет; наступает зима. Но мир не меняется в одно мгновение. Ему, как и тебе, не важно, что наступила зима.

Ты приходишь и смотришь, как вода медленно несёт пришедшие с Севера льдины. Их всё больше, им не терпится вступить в свои права, сковать море и словно открыть тебе дорогу за горизонт. Но ты стоишь и с замиранием сердца ждёшь. И вот когда все звуки вокруг становятся лишь биением твоего сердца, ты получаешь то, зачем пришла.

Сперва очень тихо, потом всё громче и громче... где-то там, между белыми льдинами, ты слышишь их голоса. Ты слышишь пение, которое становятся миром вокруг тебя.

В нём нет музыки, нет слов, но ты чувствуешь, как вибрация этих звуков медленно проходит сквозь тебя, наполняя светом и теплом.

Так поют дельфины.

Среди неподвижности волн плывут их голоса. И это чудо существует только для тебя. Когда-то давно, ты была ещё крошкой, мама кутала тебя в одеяло и проносила на руках сюда, чтобы открыть тебе новый мир. Она держала тебя в объятьях и говорила, что душам, покинувшим наше время, нужно обрести новый дом. И раз в год, в последний день осени, к этому берегу приплывают дельфины. Они зовут души, что скитаются в ставшем для них чужим мире. Они зовут их к себе, чтобы проводить в новую жизнь.

Прошли годы, ты стала приходить на берег одна. Смотри на горизонт, но, не видя ничего вокруг, ты просто вдыхаешь неземные звуки. И всё становится неважным – потому что не существует ни времени, ни лиц, ни имён, вообще ничего. Только пение дельфинов. Ты не знаешь, зачем тебе дано это право, ты не хочешь этого знать. Потому что в этом нет необходимости. Ты просто приходишь и слушаешь, как поют дельфины.

Много лет ты приходила сюда одна, но сегодня вас снова двое. Ты стоишь на берегу и гладишь живот, обращаясь к той, что скоро увидит мир, а пока смотрит на него твоими глазами: «Моя крошка Лия, пройдёт всего лишь год, я обниму тебя, и в последний день осени открою тебе чудо – ты услышишь, как поют дельфины».

Конец

Содержание

Предисловие.....	2
Лейла.....	3
Беролак.....	9
Подорожник.....	13
Дом, в котором падает снег.....	19
Ричард.....	32
Тридцать два зуба.....	36
Чёрный.....	41

Вне игры.....	44
Дельфины.....	50